

С.П. Земцов

РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Лаборатория исследований экономики развития, Москва

Волны деловой активности на территории России за последнее тысячелетие и эволюция предпринимательства и его роли в экономике¹

Аннотация. Непонимание долгосрочных закономерностей может приводить к провалам экономической политики. Опираясь на обзор научных работ с XVIII в. и анализ архивных данных, предложен подход к изучению эволюционной динамики деловой активности населения на основе оценки изменения плотности городов и малых предприятий. Впервые обнаружено пять законченных нерегулярных пространственно-временных волн на территории России за прошедшие десять веков. Деловая активность в городах в прошлом (торговцев, купцов, ремесленников и др.) рассматривается как прообраз предпринимательской деятельности. Фронтирное освоение больших территорий требовало предприимчивости жителей. Хотя в советский период динамика плотности малых предприятий была асинхронна с темпами экономического роста, в целом за последние полтора столетия (пятая волна) наблюдалась положительная взаимосвязь между ними, в том числе подтверждаемая на уровне регионов в текущем столетии. Многие выявленные закономерности исторически устойчивы: 1) предпринимательство можно считать персистентным, или жизнестойким, явлением, в частности, плотность малых предприятий превысила досоветские значения с учетом оговорок о точности данных и эволюции экономических агентов; 2) распространение предпринимательства в пространстве в целом подчинялось модели диффузии инноваций, в частности, выделяются такие относительно стабильные регионы-лидеры (ядра), как Москва, Санкт-Петербург, юг Дальнего Востока и отстающие (периферии); 3) на каждом из этапов выявлено долгосрочное влияние таких нескольких значимых условий и факторов деловой активности, как природно-географические особенности и развитие транспортных путей, социокультурная среда и институциональные преобразования (реформы), накопление человеческого капитала в городах и смена технологий. Продолжая многовековую научную дискуссию о стратегиях содействия деловой активности, предлагается разработать скоординированные меры воздействия на выявленные характеристики. Важно избежать чрезмерной монополизации хозяйства и / или роста неформального сектора, так как ослабление одного из производственных факторов – предпринимательского капитала – будет иметь долгосрочные негативные последствия для экономического развития. Так, ограничение предпринимательских инициатив в советский период вело к снижению эффективности народного хозяйства и ослабило возможности его трансформации в позднесоветский период. Недооценка необходимости накопления опыта и укоренения предпринимательства усилила негативные экономические тенденции после ускоренной либерализации в 1990-е годы. Начинаяющаяся шестая волна, вероятно, будет связана с распространением цифровой экономики и требует стимулирования соответствующих ей форм онлайн-предпринимательства на фоне растущей депопуляции. Экономические исследования циклической динамики дополнены новым параметром – деловой активностью, но требуется дальнейшая верификация данных, в том числе и для других стран.

Ключевые слова: эволюционная динамика, теория предпринимательства, экономическая история, предпринимательская активность, регионы России, города, циклы, институты, устойчивость (персистентность) предпринимательства, экономическая политика.

Классификация JEL: N1, N90, B0, L0, O18.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: **Земцов С.П.** (2025). Волны деловой активности на территории России за последнее тысячелетие и эволюция предпринимательства и его роли в экономике // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 2 (67). С. 191–223.

DOI: 10.31737/22212264_2025_2_191-223

EDN: LKOEYD

Введение и постановка проблемы

Глобальные изменения 2020-х годов приводят к чрезмерной фокусировке научных исследований на текущих событиях без должного теоретического осмысления. Кризисы и подъемы – часть естественного развития экономической системы (Кондратьев, 1991; Schumpeter, 1934; Бабурин, 2018), отражающаяся в изменении цен, технологий, межрегионального неравенства и других характеристик. Для понимания фундаментальных закономерностей, а соответственно, и базовых ограничений проведения долгосрочной экономической политики необходимо оценить многовековую динамику медленно изменяющихся параметров.

Значимую историческую роль в экономическом развитии, в частности при адаптации к различного рода шокам, играют предприимчивость населения и гибкость предпринимательского сообщества, что часто недооценивается при проведении политики (Чепуренко и др., 2004; Яковлев, 2006; Земцов, Волошинская, 2024). Ранее долгосрочная эволюция предпринимательства не исследовалась из-за недостатка и недоступности архивных данных. Оставалось неясным, наблюдается ли цикличность в этой сфере и можно ли корректно проследить долгопериодные колебания в условиях кардинальных социально-экономических трансформаций в России. Распространившийся в общественных науках эволюционный подход² подталкивает уделять больше внимания историческим и пространственным закономерностям.

Цель статьи – выявить и проследить этапы исторической эволюции деловой активности населения в регионах России в ее взаимосвязи с социально-экономическим развитием страны.

Краткий обзор исследований исторических особенностей и факторов деловой активности в России

По мере углубления общественного разделения труда с XIV в. в Западной Европе, а позднее и в России формируется отдельный *класс горожан*, растет плотность экономических агентов: ремесленников, торговцев, купцов, создаются мануфактуры и отдельные компании. Глобальная экспансия европейских стран и капиталов в эпоху Великих географических открытий XV–XVIII вв. стимулирует *формирование институтов*, т.е. норм, правил и учреждений, регулирующих рыночные отношения (Коммерческая революция): банковские, страховые, инвестиционные, биржевые; цеха, юридические лица и пр., которые с XVIII в. зарождаются и в России. Эти институты способствовали возникновению капиталистических форм хозяйствования и потребовали соответствующего осмысления (Грейф, 2013). После Первой промышленной революции формируются

² Рассматривает экономические закономерности как порождаемые взаимодействием внешних (средовых) и внутренних факторов, проявляющиеся в изменении, в том числе в усложнении структуры хозяйства и его агентов. Зародился в трудах Й. Шумпетера и Т. Веблена, позднее расширился под воздействием концепций эндогенного роста и человеческого капитала, институциональной теории. Эволюционный подход в России встречается в работах П.Я. Кропоткина, Н.Д. Кондратьева, В.М. Полтеровича, Ю.В. Яковца, В.И. Маевского, В.Л. Бабурина, А.Н. Пилясова и др.

научные представления о предпринимательстве (Радаев, 1997; Hébert, Link, 2007; Цвайнерт, 2007). Так, в частности, экономист Р. Кантильон³ предлагает термин «предприниматель» (от франц. *entrepreneur*), обозначая им человека, который извлекал доход из организации и управления рискованным делом, отдавая часть заработка (наемным работникам, менеджерам и инвесторам-капиталистам) в надежде на рост прибыли или иного вознаграждения, т.е. он предприимчив (Автономов, 2020).

Предпринимательство — как деятельность указанных субъектов — может рассматриваться в качестве *фактора производства* (Marshall, 1890), координирующего другие базовые факторы: труд, капитал, новые технологии. Научные взгляды на предпринимательство менялись вместе с эволюцией его роли в экономике. Важно отделять предпринимателя как экономического агента от владельцев капитала (капиталистов). Их отождествление, в частности К. Марксом и его последователями (Маркс, 1957), привело к недооценке роли предпринимательской активности в общественных процессах. Отличительные свойства предпринимателя связаны с трудно уловимыми и плохо формализуемыми действиями, направленными на *поиск, создание и /или освоение новых рынков на некоторой территории в условиях постоянной неопределенности с целью получения некой выгоды, в первую очередь прибыли*. Эта деятельность основана на опыте, знаниях, связях, интуиции предпринимателей, культурных, институциональных и иных особенностях среды, в которой они сформировались и развивают свое дело (Баринова, Земцов, Царева, 2023).

Предпринимательская и деловая активность населения в исследовании полностью *не отождествляются*. Последнее понятие шире и включает деятельность, зародившуюся задолго до предпринимательства вместе с процессами *целенаправленного и добровольного обмена намеренно созданных и / или приобретенных ранее продуктов человеческого труда с целью получения некоего вознаграждения* (Грейф, 2013). В истории России субъекты экономики, выполнявшие подобные функции, имели разные названия: гости, купцы, ремесленники, торговцы, промысловики, коммерсанты, фабриканты, кустари, промышленники, негоцианты, нэпманы, артельщики, кооператоры и др. Частное предпринимательство — во многом результат развития капиталистических форм хозяйствования, вписанных в современный институциональный контекст: с большим числом и разнообразием горизонтальных связей на основе договорных отношений между свободными экономическими агентами, с защищенными правами на частную собственность. Схожие формы отношений присутствовали в городах и в докапиталистическую эпоху, но как некое исключение: ни крестьяне, ни дворяне — как представители крупнейших сословий — в массовом порядке не становились купцами или ремесленниками. При этом деловая активность населения — исторически *значимый фактор развития* страны (Ленин, 1899; Туган-Барановский, 1898; Яковлев, 2006; Расков, 2012; Бессолицын, 2013; Савченко, 2014), так как приращение и фронтальное освоение больших территорий требовало предприимчивости жителей.

Благодаря ускоренному развитию хозяйства и науки в России в XVIII в. появляется одна из первых научных работ, описывающих особенности деловой активности жителей — «Книга о скудости и богатстве» (1724 г.) мыслителя

³ Ричард Кантильон (Richard Cantillon; ок. 1680 – 14 мая 1734 г.) — экономист, банкир и демограф. Кантильон стал известен благодаря труду «Эссе о природе торговли в общем плане» (*Essai sur la nature du commerce en général*), изданному на французском языке в Лондоне в 1755 г. (<https://znanierrussia.ru/articles/>).

и предпринимателя И.Т. Посошкова (Посошков, 1951). В ней впервые утверждается, что для эффективного государственного управления необходимо *совершенствовать институты* («истинную правду»): законы, права сословий и т.д. В частности, для зарождения специализированных мануфактур предлагалось стимулировать городское ремесленничество введением цеховых уставов, клеймения (брендирования) изделий, снятием ограничений на число учеников у мастера. Было обосновано введение пожизненных прав для изобретателей («вымышленников») на свой промысел (аналог патентов) и поддержка перевода этих промыслов в мануфактуры⁴. Рекомендовалось строить заводы на средства государства и передавать их предпринимателям, что позднее и практиковалось. Развитие торговли связывалось с расширением купеческого сословия за счет зажиточного крестьянства, поэтому на фоне усиления крепостничества⁵ предлагалось ограничить власть помещиков, в частности регламентировать крестьянские повинности. В продолжение этих идей в конце XVIII в. мыслитель А.Н. Радищев отстаивал идеи отмены крепостного права, которое ограничивало предпринимательскую инициативу крестьян и развитие кустарных производств. О необходимости защиты зарождавшейся промышленности от иностранных товаров и фабрикантов в начале XIX в. писал мыслитель-экономист Н.С. Мордвинов.

По мере распространения крупных фабрик и заводов в XIX в. и углубления капиталистических отношений нарастала критика последних. Так, представители народничества, в частности В.П. Воронцов, Н.Ф. Даниельсон, полагали, что в России не сложились ни экономические, ни *культурные условия* для развития крупных товарных форм хозяйствования, но распространена особая семейно-общинная деловая активность. Поэтому необходимо стимулировать малые формы путем предоставления кредитов, снижения налогового бремени, поддержки кооперации. Г.В. Плеханов отмечал, что модернизация и европеизация узкой прослойки общества в городах происходит на фоне углубления традиционных способов производства и усиления соответствующих культурных норм в его остальной части. Экономист А.И. Чупров (Чупров, 2025) подчеркивал значимость повышения уровня образования в культурной и хозяйственной жизни страны, где большинство населения безграмотны⁶. В русле традиций «Домостроя»⁷ большое внимание в деловой практике и в ее исследованиях уделялось принципам христианской этики.

В конце XIX в. экономист М.И. Туган-Барановский одним из первых отмечал *цикличность* рыночных процессов, выделяя стадии подъемов и кризисов. Также разделял крупных промышленников и малых предпринимателей: куста-

⁴ Многие изобретения не находят воплощения в массовых продуктах из-за нехватки предпринимательского капитала (Baumol, 2010). Так, английский инженер Д. Уатт совместно с промышленником М. Болтоном создали компанию «Болтон и Уатт» в 1774 г., которая владела лицензией (патентом) и сдавала в аренду за стоимость, пропорциональную сэкономленному углю, паровые машины. Причем способ распространения одной из главных инноваций Первой промышленной революции, вероятно, был не менее важным, чем само изобретение. За несколько лет до этого в России изобретение первого в мире двухцилиндрового парового двигателя И.И. Ползуновым не имело широкого применения в экономике, о чем и предупреждал И.Т. Посошков. К сожалению, подобных примеров в истории страны немало, например, многие изобретения И.П. Кулибина или даже советских инженеров не нашли своего предпринимательского гения и не использовались в хозяйственной практике.

⁵ В частности, Соборное уложение 1649 г. окончательно оформило крепостное право в России, вводя запрет последним перемещаться с земельного участка землевладельца.

⁶ За исключением некоторой части старообрядцев, вынужденных обучаться грамоте для самостоятельного чтения «Библии» из-за отсутствия священников и гонений (Расков, 2012). Высокая грамотность могла стать фактором высокой деловой активности старообрядцев — по аналогии с протестантами в западных странах.

⁷ В памятнике русской и христианской литературы XVI в. предпринимательство может отдаленно ассоциироваться с домостроительством — обустройством хозяйственной жизни, где, однако, погоня за прибылью исключена как самоцель.

рей, ремесленников, владельцев мастерских и т.д. (Туган-Барановский, 1898); для развития малых форм считал важным кооперацию. Отмечал наличие исторических межстрановых различий: благодаря развитию малых хозяйств в городах Западной Европы сложились многие рыночные институты. В России же большие пространства и редкость населения, которые могли быть преодолены лишь государством и крупным капиталом, привели к разделению между владельцами капитала и бесправными работниками, включая крепостных, со слабым средним городским классом. *Сложные природно-географические условия* на большей территории России ограничивали процессы общественного разделения труда и сдерживали деловую активность, по мнению В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, Г.В. Плеханова, Н.А. Бердяева, А.И. Воейкова и других. Угроза нехватки продовольствия, особенно во время продолжительных зим, могла ограничивать возможности индивидуального, семейного (хуторского) ведения хозяйства и сформировала преимущества общины и феодалов в ранние периоды (Милов, 1992).

Вышесказанное служило дополнительным обоснованием *повышения роли государства* в экономике (Струве, 1894). Д.И. Менделеев как статистик отмечал недостаток предприимчивости для развития отечественной обрабатывающей промышленности (Менделеев, 1906) и ратовал за расширение защитных мер против иностранных конкурентов в молодых отраслях. А.И. Чупров выступал за форсированное расширение сети железных дорог для формирования национального рынка товаров, что должно было привести к росту деловой активности (Чупров, 2025). Подобные идеи разделяли и частично реализовывали при проведении экономической политики государственные деятели П.А. Столыпин и С.Ю. Витте.

В это же время П.А. Кропоткин (Кропоткин, 1906) отмечал недооценку *кооперации* и взаимопомощи в зарождавшейся теории эволюции. Устойчивые взаимосвязи в сообществах порождают движение к новым формам хозяйствования, в частности, приводят к формированию предпринимательских экосистем, а эволюция движется в сторону коллективной адаптации контрагентов экосистемы к внешней среде и друг другу, что обеспечивает *саморегулирование экономики*. Безудержная капиталистическая конкуренция может приводить к росту социальных и иных издержек, выводить экосистему из равновесия; развитие же малых форм и их кооперация позволяет стимулировать творческие (предпринимательские) навыки населения и впоследствии способствует снижению диспропорций. Под влиянием схожих идей экономист А.В. Чаянов противопоставлял капиталистическим формам хозяйства, направленным на получение прибыли, изучаемые им семейно-трудовые хозяйства (Чаянов, 1989), которые обеспечивали средства существования своим членам в рамках набора укорененных неформальных норм. Их кооперацию ученый считал фактором устойчивого экономического развития.

В. Даль (Даль, 1880) во второй половине XIX в. определял «предпринимательство» как готовность *«затевать, решаться исполнить какое-либо новое дело»*, т.е. подчеркивал его инновационные функции в экономике. В начале XX в. экономист Н.Д. Кондратьев (Кондратьев, 1991), один из учеников М.И. Туган-Барановского, различал в малых формах хозяйствования роли предпринимателя и капиталиста: первый должен был быть более гибким, хорошо знать свое дело, рынок и его потребности, быть более изобретательным, а в условиях непрерыв-

ных изменений он может *прибегать к нововведениям*. Впоследствии совокупность подобных нововведений будет ассоциироваться с открытыми ученым большими циклами мировой конъюнктуры («волны Кондратьева»): периоды подъема и спада экономики за 45–60 лет, отражающие закономерности смены ведущих отраслей и технологий мирового хозяйства.

В ранних трудах В.И. Ленина мелкая буржуазия отделялась от крупных капиталистических форм хозяйствования (Ленин, 1899), что позволило проводить Новую экономическую политику. В его более поздних работах были заложены основы идеологии государственно-монополистического капитализма с максимальным обобществлением средств производства. Единственным предпринимателем становится государство, а предприятием – все хозяйство страны. В советский период доминировали представления, отождествляющие предпринимателя и капиталиста (Маркс, 1957). Например, в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова 1988 г., в отличие от словаря В. Даля, предприниматель – уже «капиталист, владеющий предприятием», что отражает кардинальное изменение взглядов.

За рубежом, развивая идеи Н.Д. Кондратьева и спора с марксистами, Й. Шумпетер рассматривал предпринимательство как самостоятельный и наиболее значимый фактор экономического развития (Schumpeter, 1934). *Предприниматели-инноваторы* создавали условия для созидательного (креативного) разрушения в экономике, когда новые технологии, товары и услуги (инновации) заменяют существовавшие ранее. Большое число радикальных инноваций порождают смену совокупности технологий, или технологического уклада. По мнению Й. Шумпетера, этот механизм лежал в основе выделенных ранее Кондратьевских волн (Кондратьев, 1991), что послужило толчком к развитию целого направления исследований *циклических закономерностей в экономике* (К. Перес, С.Ю. Глазьев, Ю.В. Яковец, В.Л. Бабурин, А.В. Коротаев и многие другие (Goldstein, 1988; Бабурин, 2018; Акаев, 2012)). Инновационное предпринимательство позволяет отодвинуть границу производственных возможностей экономики (Baumol, 2010), обеспечивает трансферт научных идей в готовые решения (Audretsch, Lehmann, 2005). Предприниматель – человек, способный работать в условиях неопределенности, в том числе технологической, перераспределяя ресурсы в ответ на меняющиеся обстоятельства (Schultz, 1980). Подобные способности важны повсеместно в экономике. Но это – редкий ресурс, а его предложение зависит от желания и затрат людей на приобретение соответствующих компетенций, навыков и опыта, а формируемый таким образом *предпринимательский капитал* – значимый производственный фактор. При этом следует различать созидательное предпринимательство, повышающее общественное благосостояние, и иные формы, например рентное и деструктивное (Baumol, 2010; Земцов, 2024).

В ранний постсоветский период в России велась большая работа, связанная с осмыслением зарубежной и досоветской отечественной научной мысли. Изучались особенности теневой деловой активности в советский период, переход от плановой к рыночной экономике, включая специфические формы предпринимательской деятельности (Радаев, 1997; Волков, 2002; Чепуренко и др., 2004; Яковлев, 2006): женское, этническое, силовое и вынужденное предпринимательство, создаваемое в отсутствие иных альтернатив заработка. Позднее

исследовались более современные формы, в частности внутрифирменное, инновационное и социальное предпринимательство, фриланс и др. (подробнее (Земцов, 2024)). Эмпирические исследования за рубежом и в России часто концентрируются на анализе динамики числа и плотности малых предприятий как косвенных оценках предпринимательской активности на некоторой территории (Чепуренко, 2013; Баринаова, Земцов, Царева, 2023). Предприниматель для осуществления своих функций и снижения транзакционных издержек создает фирму, в отечественной литературе – предприятие. Создание независимых компаний – юридических лиц (ЮЛ) во многом отличает предпринимательскую деятельность от иных форм деловой активности населения.

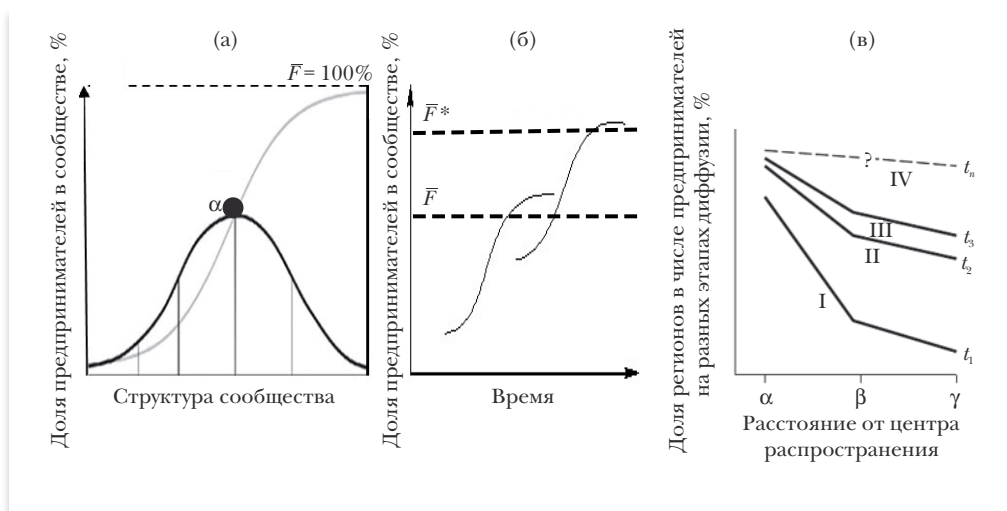
Для снижения транзакционных издержек предприниматели также формируют различные партнерские, производственные, технологические и иные сети, образующие региональные предпринимательские экосистемы, например *кластеры*⁸ (Баринаова, Земцов, Царева, 2023). Предпринимательство в этом случае может укорениться и преобразовываться в соответствующую *культуру* (Fritsch, Greve, Wyrwich, 2023). Так, предпринимательская активность в отдельных регионах устойчива к шокам на протяжении столетий (Fritsch et al., 2019; Fritsch, Greve, Wyrwich, 2023), являясь персистентным явлением (*persistence* – упорство, постоянство), т.е. жизнестойким, долгосрочно устойчивым. Радикальные социально-экономические изменения в России ограничивают прослеживание долгосрочных закономерностей в деловой активности, но такие попытки предпринимались. Например, малые предприятия в Калининградской области создаются в тех же местах, что и в довоенной Пруссии (Fritsch et al., 2019), а в регионах с развитой кооперативной деятельностью в конце 1980-х годов доля работающих не по найму выше и в современный период (Заздравных, 2019). Это имеет несколько объяснений (Земцов, Царева, 2023), в частности, связано со способностью *сохранять и передавать нормы* в культуре региональных сообществ.

Таким образом, научное осмысление предпринимательства в России имеет глубокие корни, а деловая активность населения – важный объект исследований экономической жизни и политики. Для ее стимулирования отмечается значимость природно-географических особенностей территории, развития транспорта и близости к рынкам, институциональных и социокультурных условий, уровня образования и смены технологий. В последние годы особое внимание уделяется региональной деловой среде как совокупности перечисленных характеристик (Баринаова, Земцов, Царева, 2023), а также взаимосвязям между предпринимательством и экономическим развитием (Земцов, Волошинская, 2024). Исторические исследования преимущественно посвящены описанию отдельных вех и сюжетов (Ленин, 1899; Рыбников, 1922; Мау, 1994; Расков, 2012), но редко устанавливаются долгосрочные закономерности (Земцов, Царева, 2023; Belitski, Tsareva, Zemtsov, 2024). Современной научной литературы о предпринимательстве в России как о самостоятельно значимом явлении, развивающемся столетиями и погруженном в общеэкономический контекст, немного.

⁸ Пространственные сосредоточения предприятий со схожей специализацией, в которых могут проявляться эффекты масштаба (Marshall, 1890). В дореволюционных работах (Ленин, 1899; Туган-Барановский, 1898) были описаны направления эволюции подобных скоплений («кустов»). Первая модель – формирование семейных предприятий вокруг крупных фабрик, где первоначально обучались кустари, например в зарождавшемся оружейном кластере вблизи г. Тулы. Вторая модель – появление крупных предприятий легкой промышленности в рамках развития кустарных промыслов ткачей, например в будущем текстильном кластере современной Ивановской области.

Методика и данные для изучения долгосрочной эволюции деловой активности

Один из подходов, позволяющий понять изучаемые эволюционные закономерности, сформировался в рамках теории диффузии нововведений (Rogers, 2002; Бабурин, Земцов, 2017). Распространение инновационного предпринимательства, новых технологий или форм ведения бизнеса в границах определенной территориальной системы может быть описано S-образной кривой (рис. 1а). В этом случае максимально возможное число вовлеченных в подобную деловую активность индивидов ($\bar{F}$) может определяться долей жителей, которые могут создавать предприятия, т.е. предприимчивых, достаточно образованных, открытых к новому, с начальным капиталом людей, причем чаще всего – это горожане (Бабурин, Земцов, 2017). Появление новой технологии может запускать новую волну (рис. 1б): после накопления критической массы предпринимателей по мере углубления разделения труда, расширения числа фирм-поставщиков, участников технологических цепочек, происходит экспоненциальный рост числа предприятий до точки α , когда более половины потенциальных предпринимателей (F) уже создали бизнесы. Процесс замедляется по мере стандартизации и укрупнения бизнесов и ухода компаний, не выдержавших конкуренции. На первом этапе этапе (I на рис. 1в) большинство предпринимателей сосредоточены в центре зарождения новой технологии, например в Волжско-Окском междуречье⁹, а затем растет доля иных территорий; предприятия новых отраслей постепенно концентрируются в ареалах с оптимальными условиями для ведения бизнеса¹⁰. Соответственно меняется межрегиональная структура числа создавших новый бизнес (рис. 1в).

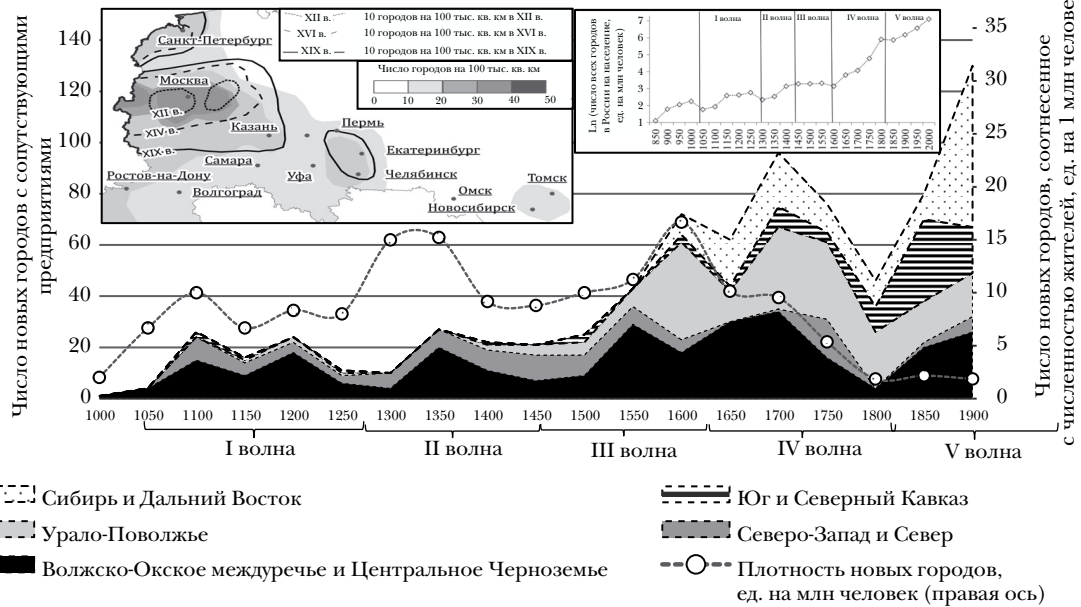
Рис. 1.

Схемы распространения предпринимательства, связанного с новой технологией

Источники: составлено по (Hagerstrand, 1968; Rogers, 2002; Бабурин, 2018).

⁹ Ядро современного Центрального федерального округа, включая г. Москву и Ополье, – природно-исторический район Владимирской и Ивановской областей с плодородными лесными почвами, пригодными для пашни.

¹⁰ Например, первые сахарные заводы создавались вблизи Москвы недалеко от потребителей и новых технологий, позднее – распространялись в южные регионы с оптимальными условиями для выращивания сахарной свеклы (Бабурин, 2018).

Рис. 2.

Эволюция системы городов России как центров деловой активности населения

Источник: составлено по данным (Бабурин, Земцов, 2017).

Подход пригоден для общего описания исторических процессов, но не для корректного моделирования¹¹, когда статистика должна отражать процессы с помощью сопоставимых данных с высокой точностью (Бабурин, Земцов, 2017). На ранних этапах нет статистической информации, а лишь обрывочные исторические сведения, например об основании городов. Торговля по рекам способствовала превращению разрозненных поселений в центральные места – пункты обмена товарами и услугами для окружающих территорий, центры ремесел и купечества. Рост числа новых городов на душу населения (рис. 2) можно считать косвенным отражением процессов распространения деловой активности населения (Бабурин, Земцов, 2017) с некоторыми оговорками (рис. 2): города часто создавались с иными целями, но постепенно обрастали торгово-ремесленными функциями (посадами), противном случае – они исчезали¹². Города требовали большего вовлечения жителей в деловую активность, чем сельские поселения с преобладавшим натуральным хозяйством.

Начиная с XIX в., т.е. после Промышленной революции, связь между плотностью возникновения городов¹³ и распространением деловой активности снижалась. Сильнее проявились эффекты масштаба: крупные промышленные предприятия (Broadberg, Kogchmina, 2022) способствовали формированию

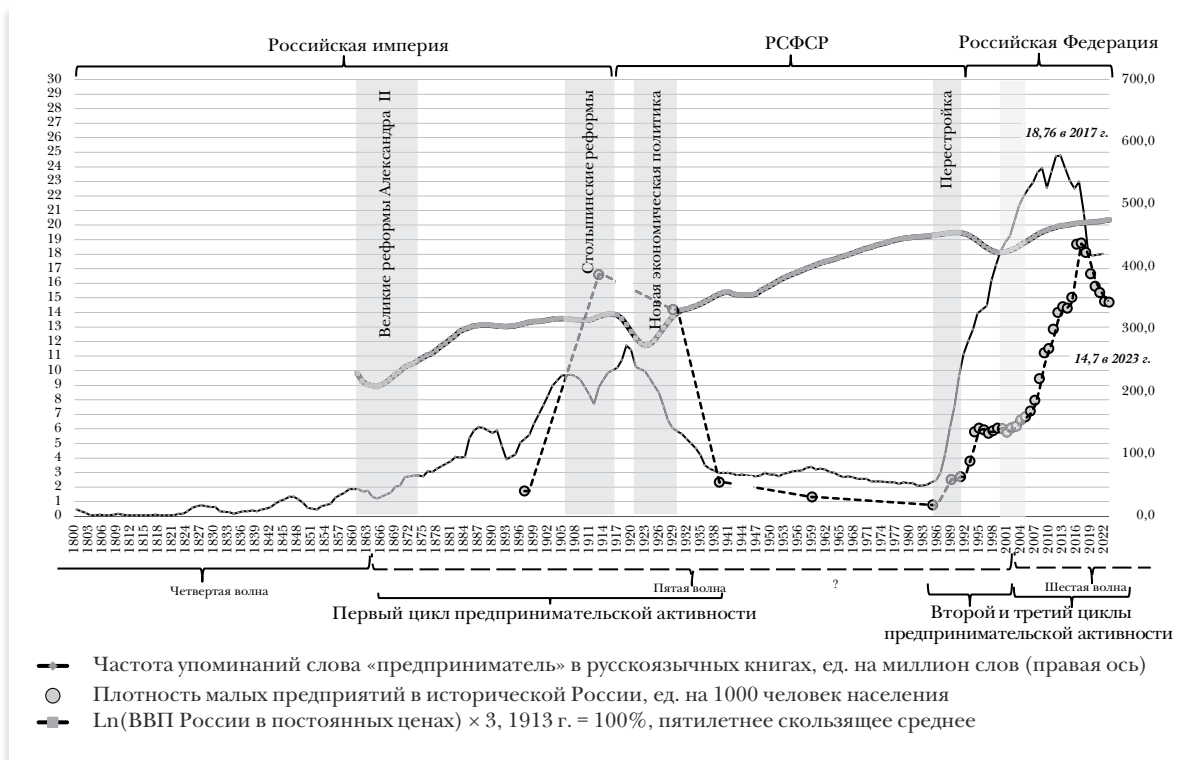
¹¹ Процесс принятия инновации должен быть бинарным (принята // не принята), но предприниматель может открывать множество фирм. Должен быть верхний предел насыщения, что в случае плотности предприятий неочевидно.

¹² При этом в летописях часто упоминался не момент создания города, а существующие и известные летописцу города со сформировавшимися торговыми и иными деловыми функциями.

¹³ Система расселения стала достаточно устойчивой: на рис. 2 заметно постепенное завершение тысячелетней интенсивной урбанизации (диффузии городов) на территории современной России.

больших городских агломераций с высокой плотностью и разнообразием предприятий. Иными словами, плотность городов, число которых почти не растет, уже не отражала быстрого распространения новых форм деловой активности. Поэтому далее на рис. 3 представлены расчеты динамики плотности малых предприятий на душу населения.

Плотность малых фирм определялась разной структурой экономических агентов, отражая эволюционные изменения в деловой активности населения. В 1897 г. это были преимущественно купцы, кустари, ремесленники, в 1913 г. — мелкие торговцы, кустари и кооперативные хозяйства, в 1929 г. — «нэпманы» и кооператоры, в 1959 г. — почти исключительно кооперативы, малые государственные предприятия, в 1985 г. — торговые кооперативы, народные промыслы, малые госпредприятия; позднее — малые предприятия — юридические лица. Использовались многочисленные источники: до 1917 г.: «Перепись населения 1897 г.»; (Рыбников, 1922); в 1929 г. — отчеты Наркомзема¹⁴, в том числе «Малая торговля в СССР в 1929 году»; в 1939, 1959, 1985, 1989 г. — «Народное хозяйство СССР», «Малая торговля в СССР»; 1991–1995 гг. — (Басарева, 2013); 1996–2018 гг. — Росстат; с 2019 г. — ФНС России.

Рис. 3.

Историческая динамика распространения предпринимательской активности и экономического роста в России

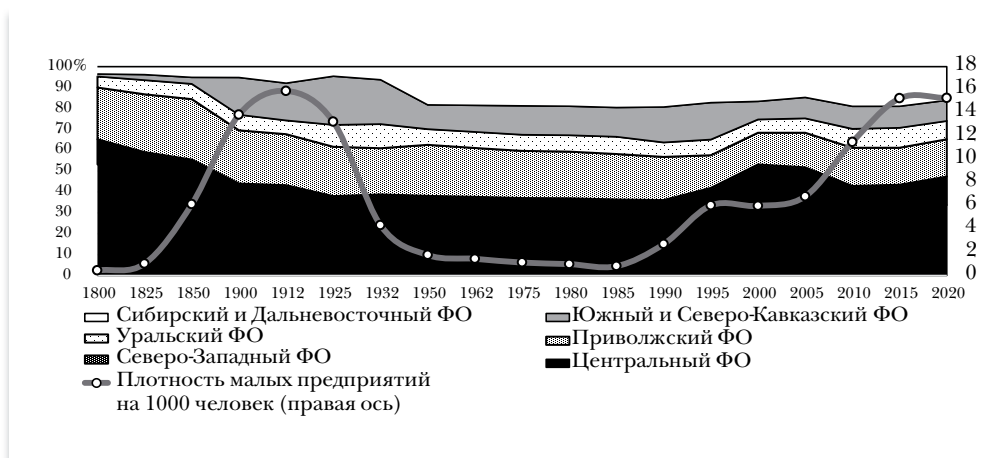
Примечание. Рассчитано автором (см. раздел по методике исследования).

¹⁴ Народный комиссариат земледелия СССР.

Для верификации разрозненных данных на рис. 3 дается усредненная частота упоминания термина «*предприниматель*» в оцифрованных русскоязычных книгах с начала XIX в. Ежегодное упоминание явления отражает его роль в общественных процессах¹⁵. Коэффициент корреляции с плотностью малых предприятий — около 0,85, причем он выше, если взять лаг упоминаемости в 5–10 лет: возможно, рост интереса к предпринимательству является предиктором предпринимательской активности. Для сравнения приводятся данные об исторической динамике добавленной стоимости: 1861–1885 гг. (Смирнов, 2012); 1885–1913 гг. — (Грегори, 2003); 1913–1928 гг. — (Markevich, Harrison, 2011); 1928–1940 гг., 1946–1989 гг. — (Maddison, 2008); 1940–1946 гг. — «Оценки Госплана СССР и ЦСУ СССР»; 1989–2023 гг. — Росстат.

Источник данных о динамике деловой активности в региональном разрезе (рис. 4): до 1897 г. — оценка автора по частоте упоминания термина «*предприниматель*», а региональное распределение — аппроксимация по численности населения в 1800–1885 гг.¹⁶ на основе данных («Народное хозяйство РСФСР», «Народное хозяйство СССР»; Жиромская, 2001). В 1990–1995 гг. — статистические данные о числе предприятий сборника «Регионы России» (Росстат); 1996–2018 гг. — «Малое и среднее предпринимательство» (Росстат); с 2019 г. — ФНС России. Здесь и далее расчеты для региональных показателей до 1940 г. выполнены путем наложения границ современных регионов и существовавших ранее губерний с последующим усреднением значений для разных частей и экспертных корректировок. Качество и полнота охвата статистикой хуже в более ранние периоды, а изменения границ вносят дополнительные искажения. Это требует осторожности при интерпретации результатов.

За последнюю тысячу лет в России в динамике деловой активности населения можно выделить пять законченных нерегулярных пространственно-

Рис. 4.

Историко-географическая динамика предпринимательской активности в России

Примечание. Составлено автором (см. раздел о методике исследования).

¹⁵ Для сравнения: упоминание понятия «*entrepreneur*» в англоязычной литературе ежегодно росло в несколько волн. См. Google Books Ngram Viewer (<https://books.google.com/ngrams/>).

¹⁶ Предполагалось, что корреляция между численностью потенциальных потребителей и числом малых предприятий была высока, поэтому распределение населения — допустимая аппроксимация. URL <https://istmat.org/node/72>; <https://istmat.org/node/74>

временных волн (см. рис. 2–4). Под ними понимаются циклические процессы распространения в пространстве с течением времени изменений плотности городов (до XIX в.) и плотности малых предприятий. На карте (см. рис. 2) волны просматриваются по мере расширения ареалов разной плотности городов. Выявление временных границ указанных волн (циклов) основывается на графоаналитическом анализе, но также включает учет заметных исторических изменений.

Результаты историко-географического анализа распространения деловой активности населения в России

В конце первого тысячелетия нашей эры вместе с формированием государственности и снижением опасности межплеменных конфликтов на территории России растет деловая активность жителей. Она во многом определялась природными особенностями, в частности возможностями занятия несельскохозяйственной деятельностью. Вероятно, Киевская Русь состоялась как единое государство благодаря уникальному географическому положению: наличие речного торгового пути «из варяг в греки», т.е. из Балтийского в Черное море. Снижение рисков ведения торговли между крупными центрами — Скандинавией и Византией — требовало контроля на всем протяжении пути, который было легче обеспечить в рамках единого государственного образования¹⁷. Более того, первые князья продавали собранную дань, т.е. вели себя как купцы (Радаев, 1997). Вероятно, необходимость осуществления международной торговли (гостьбы) повлияла и на политическое решение — принять Христианство. Внедрение единых норм и правил с основным торговым партнером (Византией) должно было повысить надежность соглашений и стимулировать деловую активность, а соответственно — и поступления в казну. Так, в Новгороде документально подтверждено, как минимум, с XII в., что многие сделки между купцами заключались в храмах¹⁸ для снижения вероятности оппортунистического поведения партнеров.

Первая волна. Начало *первой (домонгольской) пространственно-временной волны* роста деловой активности населения в XI–XIII вв. (см. рис. 2, врезка справа вверху) может быть связано с реформами Ярослава Мудрого, установившего основные формальные нормы («Русская Правда»): защита имущества, порядок наследования, регулирование торговых сделок и взыскания долгов. Заметную роль в росте деловой активности играли новые города Волжско-Окского междуречья и Северо-Запада (Новгородская Русь). В этот период основаны, например, Ярославль, Суздаль, Рязань, Курск, Владимир, Великие Луки. При этом ремесленники, кустари, хлебопашцы, рассредоточенные по территории, зависели от торговцев, купцов в центральных местах. Сословный характер феодального общества, безусловно, ограничивал всеобщую деловую активность, а большинство населения (крестьяне) были заняты натуральным хозяйством. Впрочем, торговля, вероятно, воспринималась обществом положительно, а в ряде случаев — даже как проявление героических усилий¹⁹. Монголо-татарское нашествие, приведшее к гибели жителей и разрушению городов, замедлило, а в ряде случаев

¹⁷ Как и в Средневековой Западной Европе (Baumol, 2010), распространены были и различные формы военного предпринимательства, когда дружины князей совершали набеги на иные территории, в частности, известны походы на Царьград (Константинополь), в том числе с целью установления более благоприятных условий для купцов из Руси.

¹⁸ Сохранились Церковь Иоанна Предтечи в Опоках (XII в.), Церковь Параскевы-Пятницы на Торгу (XIII в.).

¹⁹ Например, в известной новгородской былинне о Садко купец-предприниматель показан как герой. Позднее в XV в. тверской купец Афанасий Никитин опишет свои подвиги в «Хожении за три моря».

и остановило²⁰ процессы распространения новых городов и соответствующей деловой активности, в частности, наиболее ценные ремесленники — кузнецы — уводились в плен.

Вторая волна. Следующая волна роста, связанная с некоторым смещением на север в погоне за пушниной и в поисках безопасности от набегов с юга, наблюдалась уже в XIV в. после Куликовской битвы. В этот период Новгород войдет в Ганзейский союз²¹, что подчеркивает роль купеческой деятельности и международной торговли в его развитии²². Возникшая в этот период Псковская судная грамота уже содержала ряд норм об охране прав собственности и распоряжении ею. Угрозы нападений с юга, наличие таможенных и иных барьеров между княжествами, а также деструктивная деятельность новгородских ушкуйников (пиратство, военно-торговые походы) вели к замедлению деловой активности.

Третья волна. Становление и централизация Московского Царства для снижения описанных выше угроз требовали увеличения государевых доходов, в том числе за счет расширения торговли. Число городов снова растет с конца XV в., в состав государства войдет торговый маршрут по Волге в Персию и арабские страны, а будущий г. Архангельск вблизи Михаило-Архангельского монастыря станет международным портом для торговли с Англией (Савченко, 2014). Разработка нового свода законов — Судебника Ивана III, утвердившего нормы владения собственностью и ее наследования, в 1497 г. создаст институциональные условия для роста деловой активности. Строгановы, одни из первых крупных промышленников, организуют солеваренный промысел на Урале, впоследствии получают владения для организации рудного и иных промыслов; создаются железоделательные, оружейные, самоварные, скобяные и другие фабрики в Туле. Роль государства в экономике растет — появляются казенные предприятия. В азиатской части России пушной промысел²³ — один из факторов освоения и роста числа городов (Савченко, 2014). Возникновение книгопечатания («Апостол» 1564 г.) способствует распространению грамотности. Ливонская война (1558–1583), репрессии (опричнина 1565–1572 гг.) и введение крепостного права²⁴ привели к сокращению числа жителей и его оттоку на периферию, подорвав деловую активность.

Четвертая волна. После Смутного времени XVII в. число городов и деловая активность в них растут. По мере снижения угроз с юга, в том числе благодаря системе крепостей Белгородской засечной черты, крестьяне заселяют Центральное Черноземье («Дикое поле»), что стимулирует развитие хлебопашества и торговли зерном. Постепенно обрастают торгово-ремесленными функциями крепости Тамбов, Воронеж, Козлов (сегодня — г. Мичуринск) и др. Формируется всероссийский рынок: сеть речных, сухопутных торговых путей

²⁰ Отдельные города домонгольского периода были уничтожены, например на юго-востоке — в Рязанском княжестве.

²¹ Союз свободных торговых городов на Балтийском и Северном морях с XIV по XVII в., обеспечивающий возможность международной торговли.

²² В целом деловая активность жителей Новгородской Республики была высока, судя по многим берестяным грамотам, посвященным торговым соглашениям. Отдельного внимания заслуживает хищническое предпринимательство в Новгородской Республике: ушкуйники — участники торгово-военных походов, предпринимавших ее жителями. Для этого они использовали суда типа «ушкуй».

²³ Например, в 1601 г. основана Мангазея — временное заполярное поселение в Сибири, один из крупнейших центров торговли пушниной рассматриваемого периода.

²⁴ 1581 г. — введение лет, в которые запрещался переход крестьян от помещиков даже в Юрьев день. 1597 г. — принятие указа об «урочных летах», который устанавливал пятилетний срок сыска беглых крестьян.

и ярмарок²⁵. Многочисленные институциональные реформы Петра I включали возможность создания торговых компаний²⁶ и акционерных обществ, положив начало формированию частного предпринимательства в близких к современным формам. Создаются Берг-коллегия и Мануфактур-коллегия для развития промышленности, для устройства фабрик и заводов предпринимателям предоставлялись беспроцентные ссуды, вводятся импортные пошлины (Савченко, 2014). Если в XVII в. число мануфактур не превышало 30, то к 1725 г. их стало более 200. Для освоения новых производственных технологий, в частности кораблестроения, привлекаются иностранные специалисты и предприниматели, создаются предприятия в сфере добычи и обработки руд. Деловая активность смещается на Северо-Запад, где на Балтийском море основан г. Санкт-Петербург, что создает условия для роста международной торговли. Растет число городов и предприятий на Урале и частично в Сибири, где обнаружены необходимые рудные месторождения (Савченко, 2014). Созданы старейший судостроительный завод (Адмиралтейские верфи в Санкт-Петербурге), многие железоделательные заводы. Благодаря усилиям промышленников Демидовых создаются горнорудные производства и города Урала, Алтая и других частей Сибири. Впоследствии вокруг вырастут соответствующие кустарные промыслы по мере обучения мастеров технологии. На основе текстильных ремесел создаются первые ткацкие мануфактуры в с. Иваново и с. Павлово; формируется вологодский промысел кружевоплетения; камнерезный промысел на Урале, которые станут основой будущих кластеров. На юге и востоке казачьи станицы и старообрядческие поселения станут центрами торговли и хлебопашества. Модернизация хозяйства требует развития образования и науки, поэтому создаются Московский университет, Академия наук; организована Великая Северная экспедиция для картирования и изучения богатств Северной Евразии. Манифест о свободе предпринимательства от 1775 г.²⁷ сократил многочисленные сборы с охотников и рыболовов, разрешил свободно заниматься кузнечным делом и текстильными ремеслами; Екатерина II также ввела понятие «*собственность*» в Жалованных грамотах дворянству и городам.

Одновременно рост товарности сельского хозяйства и создание заводов требовало дальнейшего закрепощения и эксплуатации крестьян, усиливалось обособление сословий, преобладающим стал дворянско-помещичий тип землевладения и землепользования с большой долей неграмотных крепостных (Федоров, 1994). При этом роль крепостного права неоднозначна. В Центральном Черноземье, с плодородными почвами и большой плотностью жителей, была широко распространена барщина, т.е. отработка трудовой повинности на землях помещика. Она повышала зависимость крестьян от помещика, снижала их возможности и мотивацию для иной продуктивной деятельности. Оброк – выплата налога помещику продуктами или деньгами – был более распространен в северных регионах вблизи городов и мог способствовать развитию ремесел и других форм деловой активности. Ряд крупных предпринимателей вышли из среды крепостных, например старообрядцы Московской губернии Морозовы – владельцы

²⁵ В частности, крупнейшей была Макарьевская ярмарка рядом с Макарьевским Желтоводским монастырем (п. Макарьево, Нижегородская область), позднее перенесенная в Нижний Новгород.

²⁶ В частности, Указ Петра I от 27 октября 1699 г. «О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний» считается первым законодательным актом о юридических лицах в России.

²⁷ Манифест о высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю заключенного мира с Портою Оттоманскою.

ткацких мануфактур (г. Орехово-Зуево), или выходцы из Пензенской губернии Абрикосовы – владельцы кондитерских фабрик и др.

Деловая активность смещается за пределы исторического ядра, но ограничена большими расстояниями и разреженной транспортной сетью. Ареал с высокой плотностью городов невелик (см. рис. 2, левая врезка). В начале XIX в. деловая активность замедляется (Broadberry, Korchmina, 2022). Это может быть вызвано отложенными реформами, особенно в сфере земельных отношений, а позднее – недостаточными темпами внедрения новых технологий, в том числе железных дорог (Acemoglu, Robinson, 2012). Высокие природные издержки, низкая плотность жителей и коммуникаций, массовая неграмотность дополнялись неэффективностью помещичьих хозяйств и консервативной крепостнической средой (Энгельгардт, 1999).

Пятая волна. Предпринимательство в близких к современным формам формировалось в России после распада феодального строя, ускорившись после Великих реформ во второй половине XIX столетия (Васильев, 2024), включавших отмену крепостного права и развитие судебной системы. Ранее слабым был класс городских ремесленников, сравнительно редки были семейные предприятия (Туган-Барановский, 1898). Доля населения, занятого кустарно-ремесленной деятельностью, не превышала 4% в 1897 г. Выше всего эта доля отмечалась в современной Ивановской, Костромской, Вологодской, Нижегородской и Архангельской областях, где постепенно формировались кластеры легкой, пищевой и иной промышленности.

По мере распространения Второго технологического уклада (паровой двигатель, железные дороги) меняются и формы деловой активности: на смену вотчинно-дворянской мануфактуре приходит частнопредпринимательская промышленно-купеческая фабрика с вольнонаемным трудом; происходит переход отдельных ремесел и промыслов в мелкотоварное производство (Ленин, 1899), развиваются городские услуги. Растет число новых вузов и грамотность населения вслед за усложнением народного хозяйства. Заметно расширение деловой активности населения (*первый цикл предпринимательской активности*) после отмены личной зависимости крепостных крестьян от помещиков в 1861 г. и уравнение в правах торговли разных сословий в 1863 г.²⁸ (Leonard, 2011; Markevich, Zhuravskaya, 2018). Это расширило возможности крестьян торговать своей продукцией, осваивать городские навыки (Бессолицын, 2013).

Рост также связан с урбанизацией и внедрением новых технологий промышленного (фабричного) производства в Центральной России; развитие железных дорог способствовало массовому увеличению числа торговых и сельскохозяйственных предприятий в южной России и Сибири. Повышается доля регионов нового освоения в числе малых предприятий (см. рис. 4). Предпринимательство все больше влияет на настроения в обществе (см. рис. 3)²⁹. Постепенно в ряде регионов складываются производственные кластеры, формирующие уникальную предпринимательскую культуру, например, в Ивановской области возник текстильный кластер, в Вологодской – молочно-сырный, в Уральской и Тульской областях – железнорудные. Для подготовки кадров создаются соответствующие коммерческие училища и вузы,

²⁸ Закон «О пошлинах за право торговли и других промыслов» (1863 г.).

²⁹ Например, в этот период прошли первые форумы отечественных предпринимателей – первый Купеческий съезд (1865 г.) и первый Всероссийский съезд фабрикантов и заводчиков (1870 г.).

в том числе на деньги предпринимателей-меценатов. Для роста производительных сил развивается наука, например, в 1845 г. основано Русское географическое общество; в 1897 г. проведена первая Всероссийская перепись населения. Создается Государственный банк (1860 г.).

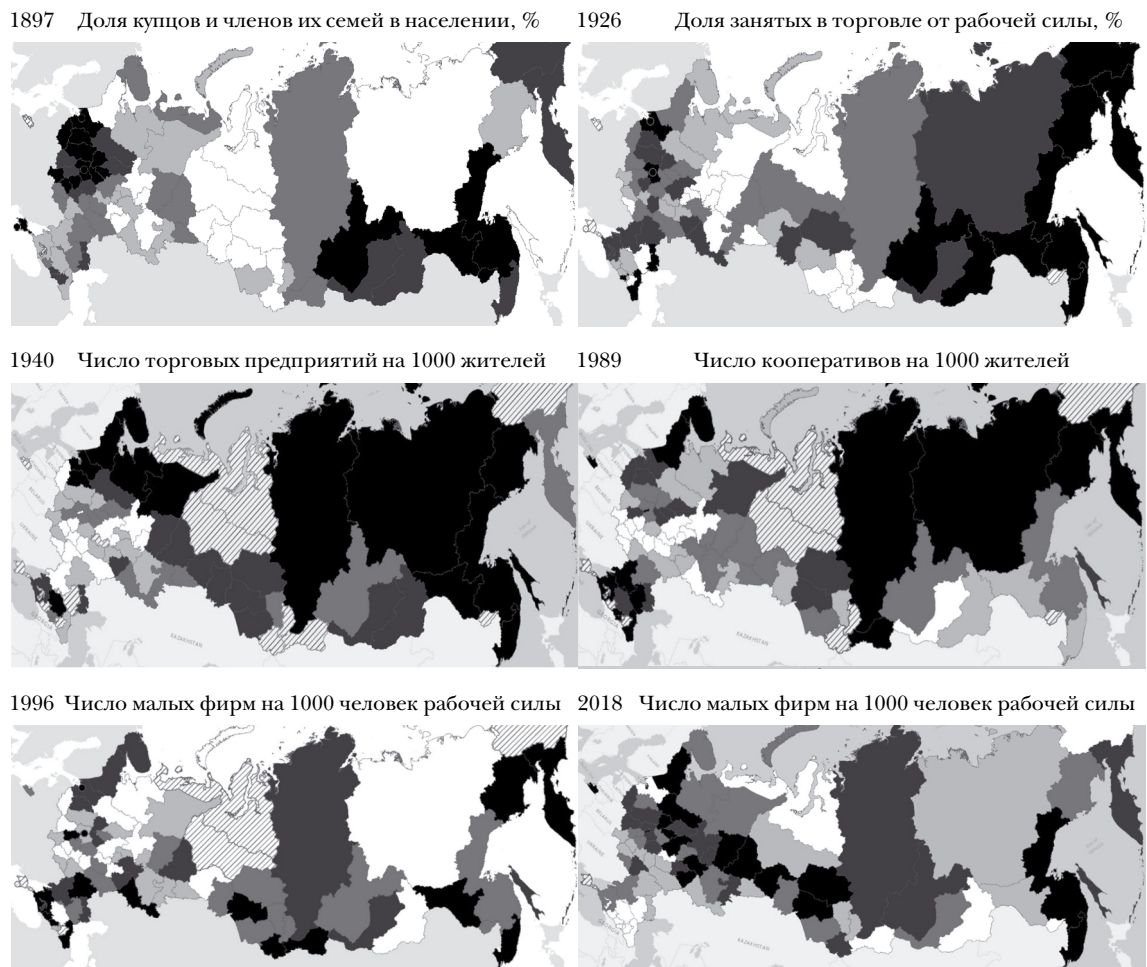
Известные династии купцов, например Морозовы, Третьяковы, Рябушинские, Смирновы, Путиловы, Асеевы и др., в том числе выходцы из крестьянства и старообрядцы³⁰, формировались в городах европейской части: Санкт-Петербург, Москва, Ярославль и др. (рис. 5). Доля купцов и членов их семей была выше в Московской и Санкт-Петербургской губерниях, в древних городах Волжско-Окского междуречья (Ярославле, Владимире, Суздале и др.) и Северо-Запада (Псков, Новгород и др.). Прослеживаются исторические закономерности городского заселения Северо-Восточной Руси, а также влияние крупнейших рынков товаров и услуг двух столиц и связей между ними. Выше была доля купцов в центрах крупнейших ярмарок: Нижегородской, Успенской (Новая Ладога, Санкт-Петербургская губерния), Ирбитской (современная Свердловская область). Активно идет международная торговля чаем и другими товарами из Китая, а соответственно, выше доля купцов в Иркутской губернии, в Кунгуре (Пермская губерния) – чайной столице России, в Кяхте (современная Республика Бурятия) – одном из центров перевалки чая. Морская торговля зерном и исторические связи Причерноморья способствуют высокой концентрации купцов в Таврической губернии, в частности в Крыму. В Приморье, где действует режим порто-франко³¹, доля купцов высока из-за фронтального характера освоения и низкой самообеспеченности продукцией. В Астраханской губернии – центр торговли на Каспии. В Сибири доля купцов была низкой из-за слабой транспортной освоенности, недостатка потребителей и финансового капитала.

На рубеже XX в. происходит укрупнение хозяйств, создание крупных производств с привлечением иностранного капитала³², например на Донбассе, плотность малых предприятий продолжает расти. В 1910-е годы доля малых предприятий оставалась высокой в швейной промышленности – 96% производства, кожевенно-обувной – около 89%, пищевой – 51%, металлообработке – 20% (Рыбников, 1922). Наибольшее число кустарных промыслов наблюдалось в Вятской, Московской и Нижегородской губерниях – центрах традиционных промыслов с крупными ярмарками и оброчным крестьянством, а также в Костромской (промыслы в легкой и лесной промышленности) и Вологодской (кружевоплетение, маслоделие и сыроварение) губерниях. При этом в ряде регионов Центральной России нарастают проблемы, связанные с наследием крепостничества – слабая индустриализация и урбанизация, перенаселенность и бедность сельских районов (Buggle, Nafziger, 2021). Сохраняющийся сословный характер общества, высокое неравенство, коррупция и некомпетентность чиновников на местах, а также недостаток заемного финансирования и отсутствие антимонопольного законодательства ограничивали предпринима-

³⁰ В середине XIX в. старообрядцы могли составлять до трети купцов в отдельных отраслях и регионах (Расков, 2012). Кроме упомянутой высокой грамотности, способствовал деловому успеху и набор этических норм, основанных на идеях «Домостроя»: честный труд, замкнутые саморегулируемые хозяйства, самоограничение («нестяжательство»). По мере улучшения институтов деловые преимущества замкнутых общин сокращались.

³¹ Право беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

³² Например, успешными иностранными предпринимателями были братья Нобели, в частности известные развитием нефтяных промыслов в г. Баку. Растет роль государственно-частного партнерства (концессий).

Рис. 5.

География предпринимательства в России в разные периоды

Примечание. Составлено автором (см. раздел по методике исследования); картосхемы составлены по данным до 2022 г. и не учитывают последних изменений территориальных границ. Градации выполнены с помощью квантилей: более высокие значения – более темным цветом. Заштрихованы территории, для которых нет данных.

тельские инициативы. Столыпинские реформы должны были изменить ситуацию, но оказались запоздалыми.

В результате Первой мировой войны, последовавшей революции и Гражданской войны многие предприятия были закрыты или уничтожены, иностранные инвесторы и компании покинули страну, деловая активность снизилась до минимума. Для восстановления хозяйства и ликвидации голода с 1920-х годов в СССР принято решение проводить Новую экономическую политику (НЭП) (Мау, 1994), разрешавшую открытие концессий, торговых заведений; установлен упрощенный порядок регистрации для малых производств, которые могли

иметь до 20 работников; проводилась денационализация малых предприятий. Наибольшими темпами росла занятость в торговле, представленной нэпманами и их работниками; она высока в Москве, Ленинграде (Санкт-Петербурге) – около 0,3% занятых, в их окрестностях и между двумя столицами, на Волжском торговом пути – в Нижнем Новгороде и Самаре, а также вблизи портов – в Ростове-на-Дону, в Астрахани (см. рис. 5). Заметен рост влияния торговли в сибирских регионах, где растут крупные центры благодаря постройке железных дорог (Chernina, Dower, Markevich, 2014): Омск, Новосибирск, Красноярск и др. Широко распространялись спекулятивные и вынужденные³³ формы предпринимательства. НЭП сыграла роль в восстановлении народного хозяйства (May, 1994) и сворачивается к концу 1920-х годов как противоречащая идеологии и задачам индустриализации.

Развитие экономики требовало более широкого вовлечения граждан в хозяйственные процессы, поэтому в довоенный период под лозунгами ликвидации безграмотности в большинстве регионов основаны образовательные учреждения, впоследствии ставшие вузами.

Сохранялись многочисленные кустари-одиночки, сбытовые и иные кооперативы; личные подсобные хозяйства могли продавать излишки продукции на ярмарках. В период Великой Отечественной войны они обеспечивали фронт своей продукцией. До конца 1950-х годов в малых хозяйственных формах производилась существенная часть потребительской продукции, так как крупные предприятия были ориентированы на военные заказы. Многие технические новшества кооперативы освоили раньше крупных государственных заводов (Бессолицын, 2013). На потребкооперацию к началу 1950-х годов приходилось около 1/3 торговли. Выше плотность торговых предприятий (см. рис. 5) на Северо-Западе и Дальнем Востоке, что может быть связано с активными стройками того периода в районах нового освоения³⁴: Беломоро-Балтийский канал, Воркута, Мурманск, Магадан, Норильск и др. Средневысокие значения характерны для крупных растущих городов – Екатеринбург (Свердловск), Пермь (Молотов), Омск, Томск, Самара (Куйбышев). В традиционных центрах заселения (ранее с высокой долей купцов) плотность торговых предприятий была ниже средней – Московская, Нижегородская, Калужская, Владимирская области. Ниже всего – их значения в аграрных регионах, где были распространены личные подсобные хозяйства – Ростовская, Тамбовская, Липецкая, Воронежская области и др., а также в быстрорастущей столице советского государства.

Несмотря на масштабные военные разрушения, плотность торговых предприятий выросла с 2,3 в 1940 г. до 2,8 предприятия на 1000 жителей в 1950 г., причем их география осталась почти идентичной – сильнее всего пострадали регионы, где велись активные боевые действия, а это – современные Карелия, Мурманская, Курская, Тульская, Ленинградская, Новгородская области и Краснодарский край. Предпринимательство сохранялось и играло свою роль в восстановлении хозяйства и уровня жизни граждан в послевоенный период. Так, сельские жители центрально-черноземных и южных регионов продавали излишки своей продукции как в близлежащие города, так и в новые рай-

³³ В отсутствии иных форм заработка. Например, «мешочничество» – поиск продуктов питания в сельской местности для продажи в городе.

³⁴ Ценность предпринимательского труда проявляется при создании городской среды новых городов, ведь отсутствие различных услуг, мастерских, магазинов ощущается наиболее остро. Но значения могут быть завышены, так как статистика не учитывала лагеря ГУЛАГа (Главного управления исправительно-трудовых лагерей), торговые предприятия создавались и с учетом потребности этих учреждений.

оны освоения: Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и т.д. В конце 1950-х годов вводятся запреты на большинство форм предпринимательской деятельности, предприятия действуют в рамках заданного плана. Постепенно формируется административный рынок (Кордонский, 2006). В 1960-е годы происходит национализация кооперативов. Государственные органы частично взяли на себя предпринимательские функции. Размещение и деятельность новых предприятий были подчинены потребностям народного хозяйства, которые определялись властями (подразделениями Совета министров СССР, преимущественно Госпланом СССР) с учетом рекомендаций специализированных организаций (НИЭИ Госплана СССР, СОПС и др.). Так, например, централизованное распределение предприятий сферы социального обслуживания должно было соответствовать разработанным подшивным нормам.

Введение всеобщего бесплатного высшего образования после 1956 г. способствовало вовлечению граждан в передовые формы хозяйственной деятельности. Предприимчивые инженеры, генеральные конструкторы могли в некоторой мере реализовать свой предпринимательский потенциал, в частности, создавать новые предприятия, товары и услуги, ориентируясь на плановые показатели и потребности общества. Вот только оценка этих потребностей была затруднена по мере усложнения экономики, технологий и роста уровня жизни населения. Ограничения частично могли быть заложены в модели плановой экономики (Валовой, 1991). В отсутствие сигналов рынка предприятия распределяли ресурсы и производили продукцию по валовым показателям в рамках заданного плана, который корректировался в зависимости от его выполнения и договоренностей на разных уровнях (административно-командная система), но мог быстро устаревать из-за изменения соотношения спроса и предложения (Долгопятова, Ичиро, Яковлев, 2009). Увеличение числа новых заводов рассматривалось как возможность восполнить недостающие ресурсы, выполнить план и получить различного рода поощрения³⁵.

Рост потребностей жителей в разнообразии товаров и услуг не мог в полной мере быть удовлетворен крупными предприятиями в силу специфики массового унифицированного производства³⁶. Плотность торговых предприятий в РСФСР сократилась до 2,27 в 1970 г.³⁷ Наименьшая обеспеченность (менее двух предприятий на 1 тыс. человек) наблюдалась в крупнейших хозяйственных центрах с высокообразованным населением и модернизированным образом жизни, т.е. там, где спрос на больший ассортимент продукции был выше: Москва, Ленинград, Куйбышев (Самара), Ростов-на-Дону, Горький (Нижний Новгород), Воронеж, Челябинск, Сталинград (Волгоград). Благодаря искусственным стимулам, таким как северные надбавки и лучшему снабжению товарами, экономическая активность сдвигалась на север и восток, поэтому плотность торговых предприятий максимальна в Сахалинской, Кировской, Томской, Магаданской,

³⁵ С точки зрения отчетности местных руководителей предпочтительным выглядело строительство нового завода и рост плановых показателей капиталовложений, чем закрытие или модернизация старых предприятий с вынужденным временным сокращением рабочих мест и невыполнением плана (Яременко, 2000).

³⁶ При этом органы планирования были заинтересованы в снижении числа управляемых объектов для упрощения расчетов, что косвенно и / или напрямую стимулировали объединение и укрупнение предприятий.

³⁷ Различия между регионами в среднем сокращались в рамках выравнивающей региональной политики того периода. Так, межрегиональный коэффициент вариации сократился с 0,45 в 1950 г. до 0,24 – в 1970 г.

Архангельской областях, в Карелии³⁸. Эффективность советской экономики при этом снижалась, так как росли издержки на отопление, транспортировку продукции и т.д. Для большой и разнообразной страны учесть все местные особенности и потребности из центра было проблематично. А если рассматривать плотность малых предприятий как косвенную оценку одного из производственных факторов, то его падение в советский период (см. рис. 4) могло сказаться на снижении темпов роста, например через временные издержки³⁹ (очереди), чрезмерное потребление ресурсов (Яременко, 2000), сохранение неэффективных предприятий в условиях мягких бюджетных ограничений (Kognai, 1980). В конце советского периода новые заводы и оборудование могли простаивать, так как не были в должной мере обеспечены трудовыми кадрами, наблюдались проблемы в поставках материалов из-за перегрузки транспортных систем. Отношение инвестиций к основным фондам было максимальным в истории страны (Валовой, 1991; Маевский, Малков, Рубинштейн, 2016), но темпы экономического роста сокращались. Наблюдались перепроизводства в отраслях оборонно-промышленного комплекса; нехватка и недоинвестирование в других (потребительские товары) (Маевский, Малков, Рубинштейн, 2016), что исправить в отсутствие предпринимательской инициативы и соответствующих сигналов (нерегулируемых цен) было затруднительно. Потребность в новых технологиях росла, в частности в информационно-коммуникационных, но их внедрение ограничивалось из-за санкций со стороны США и их союзников (КОКОМ⁴⁰) на импорт оборудования и частично — из-за отсутствия собственного технологического предпринимательства.

В 1985 г. плотность малых предприятий была минимальной (см. рис. 3). Общество столкнулось с дефицитом ряда потребительских товаров (Яременко, 2000). Описанные ограничения и нерыночные принципы размещения предприятий могли снижать и искажать стимулы деловой активности населения (Fritsch, Greve, Wytwich, 2023): предпринимательская активность осуществлялась в своих низших формах — в виде полуполюгальной деятельности цеховиков, фарцовщиков, а также при продаже крестьянской продукции и т.п. (Андрюхин, 2011). Предприимчивые граждане, несмотря на запреты, находили и заполняли пустующие рыночные ниши, при этом сохраняя и передавая предпринимательскую культуру, хотя и в искаженном виде.

В рамках политики перестройки в мае 1987 г. вступил в действие Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», который легализовал предпринимательство. Закон «О кооперации в СССР» (1988 г.) позволил создавать кооперативные предприятия в строительстве, производстве товаров, массовом питании, бытовых услугах: численность занятых в этих отраслях в тот же год выросла в 10 раз, а объемы выпуска товаров и услуг — почти в 20 раз (Чепуренко и др., 2004) (*второй цикл предпринимательской активности*). География кооперативных хозяйств в 1989 г. схожа с географией довоенной торговли (см.

³⁸ Могли влиять и институциональные факторы, когда преимущества при планировании открытия новых торговых объектов отдавались стратегическим районам «больших» строек.

³⁹ Например, в экономике с большим числом предпринимателей ремонтные функции, поставки и производство компонентов рассредоточены. В СССР гарантийный ремонт техники, например автомобилей, был затруднен.

⁴⁰ Международная организация стран НАТО (кроме Исландии) и Японии, созданная в 1949 г. для многостороннего контроля над экспортом в СССР и другие социалистические страны.

рис. 5). По-прежнему высока роль регионов недавнего освоения⁴¹: Магаданская, Сахалинская, Калининградская области, Камчатка, Красноярский край, где выше доля молодых возрастов, активных и предприимчивых граждан, в том числе из других регионов. Высокая плотность наблюдалась на юге, где сохранились традиции сельскохозяйственных ярмарок: Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский край; в традиционных центрах дореволюционного мелкотоварного бизнеса — Костромская, Владимирская, Ивановская области. Выше среднего отмечались значения в крупных городах с высоким потребительским спросом — Москве, Ростове-на-Дону, Новосибирске, Томске, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге. Особую роль в агломерациях и наукоградах сыграли такие формы кооперации, как Центры научно-технического творчества молодежи. Ниже значения — в Центральном Черноземье с высокой долей более консервативного и небогатого сельского населения — в Липецкой, Курской, Тамбовской областях.

Закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 «О предприятиях и предпринимательской деятельности» установил право граждан создавать частные фирмы. Неудовлетворенный потребительский спрос стимулировал предпринимательскую активность. В 1992 г. были достигнуты максимальные за весь постсоветский период темпы роста числа малых предприятий (в 2,1 раза) и численности занятых в них (Чепуренко и др., 2004). Отдельные университеты и институты РАН становятся центрами зарождающегося технологического предпринимательства, обеспечивая их помещениями, оборудованием и кадрами. К сожалению, экономический и политический кризисы 1990-х годов, разрушение цепочек добавленной стоимости из-за распада СССР и Совета Экономической Взаимопомощи, ошибки в проведении приватизации, отсутствие опыта и культуры созидательной предпринимательской деятельности у большинства руководителей привели к тому, что многие советские предприятия не смогли переориентировать свое производство, обанкротились или остановили свою деятельность (Шкредов, 1999). Первичный этап накопления капитала привел к концентрации собственности и созданию крупных вертикально-интегрированных холдингов (Кузнецова и др., 2013). Возможность формирования сообщества независимых собственников как среднего класса была упущена. Вынужденное предпринимательство стало единственным источником заработка для многих семей (Радаев, 1997; Долгопятова, Ичиро, Яковлев, 2009). В 1996 г. плотность малого бизнеса была выше в крупнейших городах страны (Москва, Санкт-Петербург) и на приграничной периферии, благодаря широкому распространению «челноков»⁴² — Тыва, Дагестан, Алтай, Краснодарский край, Амурская область и т.д. (см. рис. 5). Во многих республиках плотность была выше из-за повышенной доли молодых возрастов и отсутствия иных мест приложения труда. В Центральном Черноземье доля невысока из-за меньших доходов сельских жителей и иных форм адаптации к кризису личных подсобных хозяйств. Распространяются рэкет, рейдерство и другие формы деструктивной деятельности (Волков, 2002).

Шестая волна. Предпринимательство постепенно эволюционировало: в 2000-е годы высокие цены на нефть, рост доходов жителей в совокупности с экономическими реформами, направленными на либерализацию законодательства, способствовали упорядочиванию и легализации малых и средних предприятий (Яковлев, 2006). Постепенно по мере укрепления формальных институ-

⁴¹ В том числе потомки купцов и кулаков, переселенных в Сибирь и на Север.

⁴² Доставляли в Россию и продавали товары повседневного спроса, среди них было много женщин.

тов распространяется созидательное предпринимательство (Баринова, Земцов, Царева, 2023), в том числе в форме франшиз⁴³. В отдельных регионах с высоким инновационным потенциалом стали создаваться технологические стартапы; появились быстрорастущие фирмы-«газели», связанные с распространением ИКТ, цифровых экосистем: МТС, «Яндекс», «Т-Банк» и другие. В последние годы развивается онлайн-предпринимательство, включая фриланс, благодаря развитию цифровых платформ (таких как, например, «Озон») и технологий искусственного интеллекта (ИИ), систем быстрой доставки товаров. Многократно выросла доступность рынков других регионов и стран для производителей. Многие технологические предприниматели действуют и живут во многих странах, выбирая оптимальные условия. При этом ИИ создает угрозы традиционным видам занятости, что должно стимулировать созидательную предприимчивость. Вероятно, человечество находится перед этапами новой технологической, промышленной и предпринимательской революции.

Заключение и выводы

Изучая многовековые тренды (см. рис. 2–5), необходимо понимать их некоторую условность, связанную как с проблемами сбора статистики, так и с эволюцией экономических агентов и институциональной среды. В прошлом наблюдаются преимущественно примитивные формы деловой активности жителей: торговля и ремесленничество в городах, продажа излишков продуктов с огородных хозяйств, промыслы, а также международные обмены. Для современного предпринимательства, часто связанного с созданием отдельных юридических лиц (фирм), важны гарантии прав собственности, независимость и формальное равенство экономических агентов перед законом, справедливость судов, развитое заемное финансирование. Подобные институты складываются в России преимущественно со второй половины XIX в. Деловую активность в предшествующие периоды можно рассматривать как прообраз предпринимательской деятельности. С учетом упомянутых оговорок на территории России за последнюю тысячу лет можно выделить, как минимум, *пять законченных нерегулярных пространственно-временных волн деловой активности населения* (см. таблицу).

В рамках пятой волны выделяются *два крупных цикла* предпринимательской активности⁴⁴ (см. рис. 4–5). Первый цикл начинается после реформ Александра II вместе с распространением второго технологического уклада: энергия пара, добыча угля, железные дороги и черная металлургия. Развитие рыночных отношений стимулировало переход к новым формам предпринимательства: мелкотоварные производства, созданные в легкой, пищевой и железодельной промышленности, а также фабрики и концессии. Пространственные закономерности соответствуют теории диффузии нововведений: заметна определяющая роль в освоении предпринимательских компетенций традиционного ядра инноваций – регионов Центра (см. рис. 4). Затем предпринимательство распространяется на север-запад и в крупнейшие города, а в конце

⁴³ Договор между владельцем бренда и другим предпринимателем, по которому второй получает готовую схему ведения бизнеса, а первый разрешает использовать товарный знак, консультирует и предоставляет поддержку. Например, так распространялись по регионам в 2000-е годы многочисленные салоны связи, дилерские центры, автозаправочные станции, рестораны, кофейни и многое другое.

⁴⁴ Проследить подобные циклы на советских данных не представляется возможным.

Таблица

Основные характеристики выявленных пространственно-временных волн деловой активности населения на территории России

Волна	Датировка и продолжительность	Территории роста плотности городов	Изменение рынков и транспортных путей	Институциональные реформы	Социокультурные особенности и тренды	Смена технологий и форм деловой активности
I. Домонгольская	С XI в. до конца XIII в.; около 300 лет	Волжско-Окское междуречье и Северо-Запад	Речной и морской путь «из варяг в греки»	«Русская Правда» Ярослава Мудрого	Распространение христианских норм и появление первых монастырей	Лады. Скопления ремесленников и торговцев у пристаней, крепостей, монастырей
II. Новгородско-московская	С начала XIV в. до середины XV в.; около 150 лет	Освоение Европейского Севера жителями Новгородской Руси	Концентрация купцов в Москве. Внешняя торговля на Балтике в том числе в рамках Ганзейского Союза	Псковская судная грамота и права собственности. Земли и налоговые льготы Москвы для предприимчивых жителей	Переезд митрополита в Москву и массовое привлечение мастеров из других княжеств	Кочи и ушки. Развитие ремесел и торговли в слободах и посадах будущих городов. Укрепление купеческого сословия.
III. Московского царства	С середины XV в. до начала XVII в.; около 150 лет	Рост плотности городов в Центре. Освоение Урало-Поволжья	Развитие Волжского торгового пути, внешняя торговля через Архангельск	«Судебник» Ивана III: правила владения и наследования собственности	Книгопечатание. Рост грамотности. Начало закрепощения крестьянства	Оружейные предприятия. Расширение мастерских. Кирпичное строительство в крупных городах. Первые ярмарки
IV. Петровско-Екатерининская	С начала XVII в. до середины XIX в.; около 150 лет	Освоение Урала, Сибири, Центрального Черноземья	Развитие речных путей и сухопутных трактов по всей стране. Внешняя торговля на Балтике	Реформы Петра I и Екатерины II: появление юрлиц, поддержка строительства заводов, свобода промыслов	Церковно-приходские школы. Первые университет и научные общества. Укоренение культуры крепостничества	Внедрение технологий 1 технологического уклада (энергия воды). Мануфактуры. Рост числа ярмарок. Первые компании, включая иностранные
V. Индустриальная	С середины XIX в. до начала XXI в.; около 150 лет					
Первый цикл предпринимательской активности: досоветский (с 1860-х до 1920-х годов; около 75 лет)		Освоение Сибири, Дальнего Востока, юга России	Развитие железных дорог. Формирование национального рынка. Черноморская и Тихоокеанская торговли	Отмена крепостного права, судебная и земская реформы, равные торговые пошлины для сословий, внедрение концессий, порто-франко	Рост грамотности, открытие нескольких университетов. Земские образование и медицина. Купцы-старообрядцы.	Внедрение технологий 2 технологического уклада (энергия пара). Фабрики. Акционерные общества. Иностранные концессии.

Окончание таблицы.

Волна	Датировка и продолжительность	Территории роста плотности городов	Изменение рынков и транспортных путей	Институциональные реформы	Социокультурные особенности и тренды	Смена технологий и форм деловой активности
Второй цикл предпринимательской активности: постсоветский (с 1980-х до первой половины 2000-х годов; около 25 лет)		Крупные агломерации, приморские и приграничные регионы	Использование автодорог и авиаобщения. Импорт из Китая, Турции и др. стран	Перестройка: разрешение частной предпринимательской деятельности, в том числе в международной торговле, и иностранных инвестиций	Высокий охват жителей средним и высшим образованием. Вынужденное освоение предпринимательских компетенций при недостатке опыта и культуры	Распространение потребительских технологий 3–4 технологического уклада. Кооперативы, малый бизнес, индивидуальные предприниматели
VI. Постиндустриальная	С середины 2000-х годов	Крупнейшие агломерации и их пригороды, инновационные центры, южные регионы	Интеграция с мировым рынком. Ускорение транспортных и иных коммуникаций	Реформы либерализации прав в сфере бизнеса; улучшения инвестиционного климата в 2010-е годы, включая упрощение регистрации самозанятости	Освоение цифровых технологий, автоматизация, креативные индустрии. Трансграничное предпринимательство	Распространение технологий 5–6 технологического уклада. Внедрение ИИ. Цифровые экосистемы и платформы, франшизы, фриланс, онлайн-сервисы.

Источник: составлено автором на основе проведенного в статье анализа.

цикла — относительно равномерно по всей территории. Второй цикл выявляется уже в постсоветский период на основе волны распространения вынужденных форм хозяйствования (челноки) до 2000-х годов. Сравнить масштабы двух волн, которые кажутся сопоставимыми на графике (см. рис. 3), сложно, так как в начале XX в. используются данные обо всех промыслах (Рыбников, 1922), часть которых сегодня были бы отнесены к индивидуальным предпринимателям и самозанятым, в современный же период учтены только малые предприятия — юридические лица. Кроме того, расчеты за XIX — начало XX в. возможны только для нескольких лет. С учетом оговорок, допустимо утверждать, что предпринимательская активность, измеряемая плотностью малых предприятий, вернулась к своим досоветским значениям и превысила их. В 2000–2010-е годы, вероятно, началось распространение новой волны на основе внедрения ИКТ (пятый технологический уклад): сотовой связи, Интернета, современных бизнес-моделей и роста потребительского спроса.

Базовые факторы деловой активности (Баринаева, Земцов, Царева, 2023) проявлялись при распространении каждой волны. Например, неблагоприятные природные условия долгое время лимитировали полномасштабное освоение Сибири (см. рис. 5), которое стало возможным с развитием железнодорожного транспорта. Доступ к рынкам через торговые пути по рекам был основой

развития городов и деловой активности, как минимум, в первые четыре волны. На пересечении торговых путей или в местах стоянок кораблей селились ремесленники и торговцы. Расширение рынков способствовало росту деловой активности: при создании единого государства, по мере распространения железных дорог, при снятии монополии на внешнюю торговлю в позднем СССР; при высоких ценах на нефть (потребительский спрос). Важным было и улучшение институциональных условий за счет реформ, раскрепощавших деловую активность, а также взаимосвязанное с ним повышение уровня образования⁴⁵.

Волны связаны и с распространением технологий. Так, во время четвертой волны деловой активности возникают будущие кластеры легкой (Костромская, Ивановская области), пищевой (Вологодская), железнорудной (Удмуртия, Липецкая область) отраслей промышленности. Во время пятой волны формировался кластер тяжелых производств на Донбассе и Урале: Нижний Тагил, Златоуст и др. В современный период производство качественной потребительской продукции потребовало расширения аутсорсинга и числа малых компаний – поставщиков разнообразных компонентов, обслуживающих организаций. Так, например, сформировались автомобильные кластеры вокруг крупных советских заводов в Самарской области («АвтоВАЗ») и Татарстане («КамАЗ»). За рубежом в рамках пятого технологического уклада возникают кластеры технологического предпринимательства в сфере электроники, например Кремниевая долина – в США и г. Шэньчжэнь – в Китае. В СССР также создается группа заводов и исследовательских центров для исследований и производства микроэлектроники в Зеленограде, радиоэлектроники – в Рязанской области. Укоренение шестого технологического уклада (роботы, ИИ, биотехнологии и др.), вероятно, можно ожидать в крупнейших агломерациях и в таких инновационных центрах, как Федеральная территория «Сириус», Сколково, Иннополис. При этом волны в регионах со сформировавшейся предпринимательской культурой могут накладываться друг на друга, например, железнорудный кластер на Урале преобразовался в металлургический, затем – в машиностроительный, а в перспективе – в центр технологий роботизации и автоматизации (Земцов, 2024).

При этом многие описанные закономерности распространения предпринимательства исторически устойчивы, а предпринимательство в России можно считать персистентным, или жизнестойким, явлением (Земцов, Царева, 2023). Поэтому на протяжении столетий могут быть идентифицированы центры (столицы, юг Дальнего Востока) и периферия деловой активности жителей: некоторые регионы Северного Кавказа, Центрального Черноземья и Поволжья (см. рис. 5).

Исторически роль государства в изменении базовых условий, регулировании деловой активности в России высока. При Петре I был обеспечен доступ к незамерзающему морю вблизи европейских рынков, одновременно создан внутренний рынок: флот и армия потребляли сталь, древесину и многие другие материалы, производимые новыми предприятиями во многих регионах. Освоение новых пространств стимулировало предприимчивость, например при заселении восточных регионов после Столыпинских реформ.

⁴⁵ Например, многие государственные деятели, осуществлявшие Великие реформы, закончили созданный более чем веком ранее Московский университет (Васильев, 2024). При столь радикальных реформах потребовалось время для формирования определенной созидательной среды, образующейся вокруг университетов.

Каждая волна начиналась с реформ, направленных на распространение инклюзивных институтов, т.е. единых для всех контрагентов норм и правил, ведущих к включению максимально широких слоев общества в экономическую жизнь, например появление первого письменного свода законов «Русская Правда» при Ярославе Мудром⁴⁶, великие реформы Александра II. Вероятно, реформы, направленные на либерализацию законодательства в начале 2000-х годов, цифровизация госуслуг и внедрение в регионах инвестиционных стандартов, упрощавших формальные процедуры в 2010-е годы, способствовали распространению созидательной предпринимательской активности (Земцов, 2024). Поощрение технологических нововведений стимулировало распространение новых форм деловой активности, например, в 1990-е и 2000-е годы тендеры на доступ к радиочастотам для сотовых операторов обеспечили условия для конкуренции, развития ИКТ и позднее – ведения интернет-торговли на основе созданной инфраструктуры. Таким образом, *современная долгосрочная экономическая политика*, направленная на ускорение деловой активности, должна включать меры воздействия на каждый из описанных факторов.

Непонимание или игнорирование закономерностей деловой активности жителей приводило к провалам экономической политики. Отрицание значимости и ограничение предпринимательского потенциала большинства жителей в начале XIX в., в первую очередь сохранение крепостного права, вызвали замедление развития экономики и новых технологий, в частности строительства железных дорог, что привело к поражению в Крымской войне и вынужденным реформам Александра II. Слабое развитие малого бизнеса, ограниченного коррупцией, недостатком заемного капитала, бедностью большинства населения, и рост неравенства, порождаемого крупным капиталом, поддерживали революционные настроения в начале XX в. Исключение предпринимательского капитала из хозяйственных процессов, возможно, обусловило снижение эффективности советской экономики, невозможность ее перестроения в новых технологических условиях. Искажение культуры созидательной предпринимательской деятельности в советский период, недостаток предпринимательского капитала и недооценка необходимости его укоренения для успеха рыночных преобразований привели к плохо прогнозируемым разрушительным эффектам от быстрой либерализации экономики («шоковая терапия») в ранний постсоветский период в сравнении, например, с опытом Китая (Земцов, 2024), где последовательно создавались институты для выращивания и трансферта предпринимательских компетенций, например от иностранных компаний и хуацяо⁴⁷ в особых экономических зонах.

Колебания экономической и предпринимательской активности несинхронизированы, особенно в советский период (см. рис. 3), но в целом слабо положительно коррелируют, что может свидетельствовать об их сложных долгосрочных взаимосвязях. Экономический подъем в досоветский период и во время Новой экономической политики (НЭП) сочетался с пиком деловой активности населения, но в послевоенном СССР с развитием крупных государственных предприятий рост сопровождался снижением плотности малых предприятий.

⁴⁶ Судебные обычаи дружины (элиты) стали распространяться на более широкие слои населения, т.е. речь могла идти о внедрении более инклюзивных институтов.

⁴⁷ Выходцы из Китая, проживающие в других странах, и часто занятые предпринимательской деятельностью, в частности торговлей.

Замедление роста экономики с конца 1970-х годов может частично объясняться недостатком предпринимательского капитала. При этом расширение вынужденного предпринимательства в 1920-е и 1990-е годы было обусловлено кризисными явлениями в экономике. Подъем созидательной предпринимательской активности в 2000-е годы согласуется с экономическим ростом; в этот период наблюдается положительная двунаправленная взаимосвязь плотности малого бизнеса и валового регионального продукта (ВРП) на душу населения (Земцов, 2024).

В России деловая активность исторически концентрируется в двух относительно самостоятельных секторах: крупный частно-государственный, часто экспортный, обеспечивающий доходы казны, сконцентрированный в немногих регионах, и мелкий семейно-общинный, широко распространенный и служащий потребностям местного населения, в том числе в самозанятости (Радаев, 1997). В силу описанных природных, культурно-исторических и иных факторов в России менее развит малый и средний бизнес («срединный путь»)⁴⁸, что и требует внимания властей. Важно избежать ситуаций чрезмерной монополизации, в том числе огосударствления экономики, и / или роста неформального сектора, так как ограничение одного из производственных факторов — предпринимательской активности — может иметь долгосрочные негативные социально-экономические последствия, схожие с описанными в статье.

Рост предпринимательского капитала требует вовлечения большего числа жителей в деловую активность, например, отмена крепостного права высвободила миллионы граждан для свободного рынка труда. Наоборот, сокращение активных жителей в период монголо-татарского нашествия, Смуты, после Наполеоновских войн — приводило к падению деловой активности. Главным лимитирующим фактором шестой волны также может стать проблема депопуляции, сокращение доли молодежи, что требует непростых решений по повышению предприимчивости граждан и привлечению технологических предпринимателей из-за рубежа.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Автономов В.С.** (2020). *В поисках человека: очерки по истории и методологии экономической науки*. М., СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. 560 с. [**Avtonomov V.S.** (2020). *In search of man: Essays on the history and methodology of economic science*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 560 p. (in Russian).]
- Акаев А.А.** (ред.). (2012). *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития*. М.: URSS: Либроком. 486 с. [**Akaev A.A.** (ed.) (2012). *Modeling and forecasting of global, regional and national development*. Moscow: URSS: Librokom. 486 p. (in Russian).]
- Андрюхин Е.А.** (2011). *Предпринимательская деятельность населения СССР в 50–80-е годы XX века*. Дисс. на соискание степени кандидата исторических наук. Курск: КГУ. 194 с. [**Andryukhin E.A.** (2011). *Entrepreneurial activity of the population of the USSR in the 50–80s of the XX century*. Diss. for the degree of Candidate of Historical Sciences. Kursk: KSU. 194 p. (in Russian).]

⁴⁸ В работе (Земцов, 2024) предложена соответствующая концепция конструктивного предпринимательства, которое развивается из малых форм хозяйствования, обладающих способностью к масштабированию.

- Бабурин В.Л.** (2018). *Инновационные циклы в российской экономике*. М.: Красанд. 216 с. [Baburin V.L. (2018). *Innovation cycles in the Russian economy*. Moscow: Krasand. 216 p. (in Russian).]
- Бабурин В.Л., Земцов С.П.** (2017). *Инновационный потенциал регионов России*. М.: КДУ «Университетская книга». 358 с. [Baburin V.L., Zemtsov S.P. (2017). *Innovative potential of Russian regions*. Moscow: KDU “University Book”. 358 p. (in Russian).]
- Барина В.А., Земцов С.П., Царева Ю.В.** (2023). *В поисках предпринимательства в России*. Часть I. «Что мешает малому и среднему бизнесу развиваться». М.: Дело. 300 с. [Barinova V.A., Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V. (2023). *In search of entrepreneurship in Russia*. Part I. “What prevents small and medium businesses from developing”. Moscow: Delo. 300 p. (in Russian).]
- Басарева В.Г.** (2013). *Малый бизнес России: теоретические основы исследования, моделирование, концепция государственного регулирования*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. 296 с. [Basareva V.G. (2013). *Small business of Russia: Theoretical foundations of research, modeling, concept of state regulation*. Novosibirsk: IEOP SB RAS. 296 p. (in Russian).]
- Бессолицын А.А.** (2013). *История Российского предпринимательства*. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия». 310 с. [Bessolitsyn A.A. (2013). *History of Russian entrepreneurship*. Moscow: Moscow Financial and Industrial University “Synergy”. 310 p. (in Russian).]
- Валовой Д.В.** (1991). *Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки-размышления*. М.: Политиздат. 431 с. [Valovoy D.V. (1991). *Economics of absurds and paradoxes: Essays and reflections*. Moscow: Politizdat. 431 p. (in Russian).]
- Васильев С.А.** (2024). *Очерки истории Великих реформ*. СПб.: Леонтьевский центр. 120 с. [Vasiliev S.A. (2024). *Essays on the history of the great reforms*. Saint Petersburg: Leontief Center. 120 p. (in Russian).]
- Волков В.** (2002). *Словное предпринимательство*. СПб., М.: Летний сад. 282 с. [Volkov V. (2002). *Power entrepreneurship*. Saint Petersburg, Moscow: Summer Garden. 282 p. (in Russian).]
- Грегори П.** (2003). *Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX вв.). Новые подсчеты и оценки*. М.: РОССПЭН. 256 с. [Gregory P. (2003). *Economic growth of the Russian Empire (late 19th – early 20th centuries). New calculations and estimates*. Moscow: ROSSPEN. 256 p. (in Russian).]
- Грейф А.** (2013). *Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 536 с. [Greif A. (2013). *Institutions and the path to a modern economy. Lessons from medieval trade*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics. 536 p. (in Russian).]
- Даль В.** (1880). *Толковый словарь живого великорусского языка*. М.: Издательство книгопродавца-типографа М.О. Вольфа. 1100 с. [Dahl V. (1880). *Explanatory dictionary of the living great Russian language*. Moscow: Publishing House of the bookseller and printer M.O. Wolf. 1100 p. (in Russian).]
- Долгопятова Т.Г., Ичиро И., Яковлев А.А.** (2009). Российский бизнес 20 лет спустя: путь от социалистического предприятия к рыночной фирме // *Мир России. Социология. Этнология*. Т. 18. № 4. С. 89–114. [Dolgopyatova T.G., Ichiro I., Yakovlev A.A. (2009). Russian business 20 years later: The path from a socialist enterprise to a market firm. *The World of Russia. Sociology. Ethnology*, 18 (4), 89–114 (in Russian).]

- Жиromская В.Б.** (2001). *Демографическая история России в 1930-е годы: Взгляд в неизвестное*. М.: РОССПЭН. 280 с. [**Zhyromskaya V.B.** (2001). *Demographic history of Russia in the 1930s: A look into the unknown*. Moscow: ROSSPEN. 280 p. (in Russian).]
- Заздравных Е.А.** (2019). Исторические эффекты региональной предпринимательской активности // *Российский журнал менеджмента*. Т. 17. № 1. С. 97–120. [**Zazdravnykh E.A.** (2019). Historical effects of regional entrepreneurial activity. *Russian Management Journal*, 17, 1, 97–120 (in Russian).]
- Земцов С.П.** (2024). *Предпринимательство в регионах России: теория и практика. Диссертация на соискание ученой степени доктора экономических наук*. М.: РАНХиГС. 381 с. [**Zemtsov S.P.** (2024). *Entrepreneurship in the regions of Russia: Theory and practice*. Dissertation for the degree of Doctor of Economics. Moscow: RANEPА. 381 p. (in Russian).]
- Земцов С.П., Волошинская А.А.** (2024). Устойчивость к шокам экономик регионов России в условиях санкций // *Журнал Новой экономической ассоциации*. № 3 (64). С. 54–83. [**Zemtsov S.P., Voloshinskaya A.A.** (2024). Russian regional resilience under sanctions. *Journal of the New Economic Association*, 3 (64), 54–83 (in Russian).]
- Земцов С.П., Царева Ю.В.** (2023). Долгосрочное влияние экстрактивных и инклюзивных институтов на деловую активность в регионах России // *Вопросы экономики*. № 7. С. 115–141. [**Zemtsov S.P., Tsareva Yu.V.** (2023). Long-term effects of extractive and inclusive institutions on entrepreneurship persistence in Russian regions. *Voprosy Ekonomiki*, 7, 115–141 (in Russian).]
- Кондратьев Н.Д.** (1991). *Основные проблемы экономической статики и динамики. Предварительный эскиз*. М.: Наука. 576 с. [**Kondratiev N.D.** (1991). *Basic problems of economic statics and dynamics. Preliminary Sketch*. Moscow: Nauka. 576 p. (in Russian).]
- Кордонский С.Г.** (2006). *Административные рынки СССР и России*. М.: ОГИ. [**Kordonskiy S.G.** (2006). *Administrative markets of the USSR and Russia*. Moscow: OGI (in Russian).]
- Кропоткин П.А.** (1906). *Собрание сочинений*. СПб.: Товарищество «Знание». 351 с. [**Kropotkin P.A.** (1906). *Collected works*. Saint Petersburg: Knowledge Partnership. 351 p. (in Russian).]
- Кузнецова О.В., Кузнецов А.В., Туровский Р.Ф., Четверикова А.С.** (2013). *Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов*. 3 изд. М.: URSS. 440 с. [**Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V., Turovsky R.F., Chetverikova A.S.** (2013). *Investment strategies of large businesses and regional economies*. 3 ed. Moscow: URSS. 440 p. (in Russian).]
- Ленин В.И.** (1899). *Развитие капитализма в России*. Санкт-Петербург: Типо-литография А. Лейферта. 584 с. [**Lenin V.I.** (1899). *The development of capitalism in Russia*. Saint Petersburg: Typo-lithography of A. Leifert. 584 p. (in Russian).]
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А.** (2016). *Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение*. М., СПб.: Нестор-История. 260 с. [**Maevsky V.I., Malkov S.Yu., Rubinstein A.A.** (2016). *New theory of capital reproduction: Development and practical application*. Moscow, Saint Petersburg: Nestor-History. 260 p. (in Russian).]
- Маркс К.** (1957). *Наемный труд и капитал*. М.: Политиздат. Т. 6. 577 с. [**Marx K.** (1957). *Wage labor and capital*. Moscow: Politizdat. Vol. 6. 577 p. (in Russian).]

- Мау В.** (1994). *НЭП: приобретения и потери*. М.: Наука. 220 с. [**Mau V.** (1994). *NEP: Gains and losses*. Moscow: Nauka. 220 p. (in Russian).]
- Менделеев Д.И.** (1906). *К познанию России*. Санкт-Петербург: А.С. Суворин. 156 с. [**Mendelev D.I.** (1906). *Towards the knowledge of Russia*. Saint Petersburg: A.S. Suvorin. 156 p. (in Russian).]
- Милов Л.В.** (1992). Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // *Вопросы истории*. № 4–5. С. 41–54. [**Milov L.V.** (1992). Natural and climatic factors and features of the Russian historical process. *Voprosy Istorii*, 4–5, 41–54 (in Russian).]
- Посошков И.Т.** (1951). *Книга о скудности и богатстве и другие сочинения*. М.: АН СССР. 411 с. [**Pososhkov I.T.** (1951). *The book on poverty and wealth and other works*. Moscow: USSR Academy of Sciences. 411 p. (in Russian).]
- Радаев В.В.** (1997). *Социология предпринимательства: вместо текста лекций*. Режим доступа: http://www.ckp.ru/biblio/r/radaev_txt/ [**Radaev V.V.** (1997). *Sociology of entrepreneurship: Instead of lecture text*. Available at: http://www.ckp.ru/biblio/r/radaev_txt/ (in Russian).]
- Расков Д.Е.** (2012). *Экономические институты старообрядчества*. СПб.: Издательство: Санкт-Петербургского государственного университета. 343 с. [**Raskov D.E.** (2012). *Economic institutions of the Old Believers*. Saint Petersburg: Publisher: St. Petersburg State University. 343 p. (in Russian).]
- Рыбников А.А.** (1922). *Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства*. М.: Центр. т-во «Кооперативное издательство». 52 с. [**Rybnikov A.A.** (1922). *Small-scale industry and its role in the restoration of the Russian national economy*. Moscow: Central Cooperative Publishing House. 52 p. (in Russian).]
- Савченко А.Б.** (2014). *Территориальное развитие России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 276 с. [**Savchenko A.B.** (2014). *Territorial development of Russia as a leading exporter in global raw materials markets*. Moscow: Publishing house “Delo” of RANEPА. 276 p. (in Russian).]
- Смирнов С.В.** (2012). *Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012*. Препринт WP2/2012/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. [**Smirnov S.V.** (2012). *Dynamics of industrial production and economic cycle in the USSR and Russia, 1861–2012*. Preprint WP2/2012/04. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics (in Russian).]
- Струве П.Б.** (1894). *Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России*. Вып. I. СПб. [**Struve P.B.** (1894). *Critical notes on the issue of economic development of Russia*. No. I. Saint Petersburg (in Russian).]
- Туган-Барановский М.И.** (1898). *Русская фабрика в прошлом и настоящем*. Санкт-Петербург: Л.Ф. Пантелеев. 496 с. [**Tugan-Baranovsky M.I.** (1898). *Russian factory in the past and present*. Saint Petersburg: L.F. Panteleev. 496 p. (in Russian).]
- Федоров В.А.** (сост.) (1994). *Конец крепостничества в России: документы, письма, мемуары, статьи*. М.: Изд во МГУ. 528 с. [**Fedorov V.A.** (compiled by) (1994). *The end of serfdom in Russia: Documents, letters, memoirs, articles*. Moscow: Moscow State University Press. 528 p. (in Russian).]
- Цвайнерт Й.** (2007). *История экономической мысли в России, 1805–1905*. Пер. с нем. В.С. Автономов (науч. ред.). М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 409 с. [**Zweinert J.** (2007). *History*

- of economic thought in Russia, 1805–1905*. Transl. from German. V.S. Avtonomov (chief sci. ed.). Moscow: HSE Press. 409 p. (in Russian).]
- Чаянов А.В.** (1989). *Крестьянское хозяйство. Избранные труды*. М.: Экономика. 492 с. [Chayanov A.V. (1989). *Peasant economy. Selected works*. Moscow: Economica. 492 p. (in Russian).]
- Чепуренко А.Ю.** (ред.) (2013). *Современные классики теории предпринимательства. Лауреаты Международной премии за вклад в исследования предпринимательства и малого бизнеса (1996–2010)*. М.: Высшая школа. 526 с. [Chepurenko A.Yu. (ed.) (2013). *Modern classics of entrepreneurship theory. Winners of the International Prize for Contribution to Entrepreneurship and Small Business Research (1996–2010)*. Moscow: Higher School. 526 p. (in Russian).]
- Чепуренко А.Ю., Ясин Е.Г., Буев В.В., Шестоперов О.М.** (2004). *Малое предпринимательство в России: прошлое, настоящее и будущее*. М.: Новое издательство. 269 с. [Chepurenko A.Yu., Yasin E.G., Buev V.V., Shestoperov O.M. (2004). *Small entrepreneurship in Russia: Past, present and future*. Moscow: Novoye izdatelstvo. 269 p. (in Russian).]
- Чупров А.И.** (2025). *Избранные работы по экономике*. М.: Юрайт. 311 с. [Chuprov A.I. (2025). *Selected works on economics*. Moscow: Yurait. 311 p. (in Russian).]
- Шкредов В.П.** (1999). *Деньги, предпринимательство, государство*. М.: ТЕИС [Shkredov V.P. (1999). *Money, entrepreneurship, state*. Moscow: TEIS (in Russian).]
- Энгельгардт А.Н.** (1999). *Из деревни: 12 писем. 1872–1887*. СПб.: Наука. 725 с. [Engelhardt A.N. (1999). *From the village: 12 letters. 1872–1887*. Saint Petersburg: Nauka. 725 p. (in Russian).]
- Яковлев А.А.** (2006). *Агенты модернизации*. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 432 с. [Yakovlev A.A. (2006). *Agents of modernization*. Moscow: Publishing House of the State University of Higher School of Economics. 432 p. (in Russian).]
- Яременко Ю.В.** (2000). *Теория и методология исследования многоуровневой экономики: Избр. тр. в 3 кн.* М.: Наука. 398 с. [Yaremenko Yu.V. (2000). *Theory and methodology of research of multilevel economy: Selected works in 3 books*. Moscow: Nauka. 398 p. (in Russian).]
- Acemoglu D., Robinson J.A.** (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity and poverty*. New York: Crown Publishers. 544 p.
- Audretsch D.B., Lehmann E.E.** (2005). Does the knowledge spillover theory of entrepreneurship hold for regions. *Research Policy*, 34, 8, 1191–1202.
- Baumol W.J.** (2010). *The microtheory of innovative entrepreneurship*. Cambridge: Princeton University Press. 310 p.
- Belitski M., Tsareva Y., Zemtsov S.** (2024). Geography and persistence of entrepreneurship in Russia. *Regional Studies*, 58, 5, 1076–1095.
- Broadberry S., Korchmina E.** (2022). Catching-up and falling behind: Russian economic growth, 1690s–1880s. *CEPR Discussion Paper DP17458*. London. 68 p.
- Buggle J.C., Nafziger S.** (2021). The slow road from serfdom: Labor coercion and long-run development in the former Russian Empire. *Review of Economics and Statistics*, 103, 1, 1–17.
- Chernina E., Dower P.C., Markevich A.** (2014). Property rights, land liquidity, and internal migration. *Journal of Development Economics*, 110, 191–215.

- Fritsch M., Greve M., Wyrwich M.** (2023). The long-run effects of communism and transition to a market system on self-employment: The case of Germany. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 47, 5, 1594–1616.
- Fritsch M., Sorgner A., Wyrwich M., Zazdravnykh E.** (2019). Historical shocks and persistence of economic activity: Evidence on self-employment from a unique natural experiment. *Regional Studies*, 53, 6, 790–802.
- Goldstein J.S.** (1988). *Long cycles: Prosperity and war in the modern age*. New Haven, London: Yale University Press.
- Hagerstrand T.** (1968). *Innovation diffusion as a spatial process*. Chicago: The University of Chicago Press. 357 p.
- Hébert R., Link A.** (2007). Historical perspectives on the entrepreneur. *Foundations and Trends in Entrepreneurship*, 2, 4, 261–408.
- Kornai J.** (1980). *Economics of shortage*. Amsterdam: North Holland. 320 p.
- Leonard C.S.** (2011). *Agrarian reform in Russia: Road from serfdom*. N.Y.: Cambridge Univ. Press. XIV, 402 p.
- Maddison A.** (2008). *Statistics on world population, GDP and per capita GDP, 1–2006 AD*. Dataset.
- Markevich A., Harrison M.** (2011). Great war, civil war, and recovery: Russia's national income, 1913 to 1928. *The Journal of Economic History*, 71, 3, 672–703.
- Markevich A., Zhuravskaya E.** (2018). The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian Empire. *American Economic Review*, 108, 4–5, 1074–1117.
- Marshall A.** (1890). *Principles of economics*. London: Macmillan.
- Rogers E.** (2002). *Diffusion of innovations*. 5th ed. New York: Free Press.
- Schultz T.W.** (1980). Investment in entrepreneurial ability. *The Scandinavian Journal of Economics*, 4 (82), 437–448.
- Schumpeter J.** (1934). *The theory of economic development*. Cambridge: Harvard University Press.

Поступила в редакцию 06.12.2024

Received 06.12.2024

S.P. Zemtsov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Development economics research laboratory, Moscow, Russia

Waves of commercial activity in Russia over the last millennium and evolution of entrepreneurship and its economic role¹

Abstract. Imperception of general long-term economic patterns can lead to economic policy failures. Based on the review of scientific works since the 18th century and the analysis of archival data, the article proposes an approach to studying the evolutionary dynamics of commercial (business-like) activity based on assessing changes in the density of cities and small businesses. Five irregular spatio-temporal waves were discovered on the territory of modern Russia over the previous ten centuries. In the article, commercial activity in cities in the past (crafts, trades etc.) is considered as a primitive form of entrepreneurship. Frontier development of large territories required adventurous and entrepreneurial spirits. Although in Soviet times the dynamics of small enterprise density was asynchronous with the rates of economic growth, in general over the last century and half a positive relationship

¹ The work was carried out within the framework of the state assignment to RANEPA.

was observed between them, including that at the regional level in the new century. Many of the identified patterns were proved to be historically consistent: 1) entrepreneurship can be considered a persistent phenomenon, in particular, the density of small businesses exceeded pre-Soviet assessments, taking into account inaccuracy of data and evolution of economic agents; 2) the spread of entrepreneurship in space was according to the models of innovation diffusion: in particular, we distinguished relatively stable leading regions (cores), such as Moscow, St. Petersburg and the South of the Far East, and lagging ones (periphery); 3) at each stage, the long-term influence of several significant factors of business activity was revealed, such as geographical features of a territory, transport routes, socio-cultural conditions, institutional transformations (reforms), accumulation of human capital in cities and technological changes. Continuing the centuries-old scientific discussion on strategies to promote business activity, it is proposed to influence the characteristics identified above. It is essential to avoid situations of excessive monopolization of the economy and / or growth of the informal sector, since the weakening of one of the production factors (entrepreneurial capital) will have long-term negative effects for economic development. Thus, the restriction of entrepreneurial initiatives led to a decrease in the efficiency of the national economy and weakened the possibilities for its transformation in the late Soviet period; underestimation of the need to accumulate experience and root entrepreneurship intensified negative economic trends after accelerated liberalization in the 1990s. The beginning of the sixth wave will be likely associated with the spread of the digital economy and requires stimulation of online entrepreneurship amid further depopulation. The set of studies of the cyclical dynamics of social processes can be supplemented with a new parameter – business activity, but further cliometric studies are required, as well as verification for other countries.

Keywords: *evolutionary dynamics, entrepreneurship theory, economic history, entrepreneurial activity, Russian regions, cities, cycles, economic policy, institutions, persistence of entrepreneurship, economic policy.*

JEL Classification: N1, N90, B0, L0, O18.

For reference: **Zemtsov S.P.** (2025). Waves of commerce activity in Russia over the last millennium and evolution of entrepreneurship and its economic role. *Journal of the New Economic Association*, 2 (67), 191–223 (in Russian).

DOI: 10.31737/22212264_2025_2_191-223

EDN: LKOEYD